

*Юлия
Лавряшина*

**ПРОСТИТЬ
НЕЛЬЗЯ
ПОМИЛОВАТЬ**

За чужими окнами

Юлия Лавряшина

**Простить нельзя
помиловать (сборник)**

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Лавряшина Ю. А.

Простить нельзя помиловать (сборник) / Ю. А. Лавряшина —
«Эксмо», 2018 — (За чужими окнами)

ISBN 978-5-04-093037-1

У нее была благополучная семья – заботливый муж и двое детей. У нее были любимая профессия и обустроенный дом... Но одна-единственная встреча перевернула всю прошлую жизнь. Последовав за любимым, Маша оставила за спиной все, что было у нее раньше. Разве женщина не имеет права на счастье?! Разве она виновная, а не жертва? Нуждается ли она в прощении? Или в жалости?

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-093037-1

© Лавряшина Ю. А., 2018
© Эксмо, 2018

Содержание

Темное эхо	6
Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	15
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	31
Глава 7	35
Глава 8	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Юлия Лавряшина

Простить нельзя помиловать

© Лавряшина Ю., 2018

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2018

Темное эхо

роман

Глава 1

– А можно устроить на Новый год факельное шествие!

Перед глазами заколыхалось огненное марево, и Мишка едва не зажмурился. Его воображение создавало другую реальность мгновенно, на время вытесняя знакомый мир и вырисовывая ее многообразием ярких красок. Мальчик даже не догадывался, что другие люди не умеют видеть *так*. Сотни нетерпеливо подрагивающих, рвущихся куда-то огоньков вытянулись неровной цепью, высвечивая в домах, знакомых уже двенадцатый год, новые черты.

Увиделось, как криво ухмыляются окна, за которыми, казалось, прячется что-то страшное... Как металлические морды подъездов холодно скалятся, заманивая в темноту, что была их сущностью... А растопыренные мерзлые ветки тянутся прямо к огненным глазам окон, не боясь опалить себя...

– Нет, вообще-то лучше без факелов, – пробормотал он, не решившись поднять глаза на Стаса.

Тот, может, и не разглядел всей жути этой ночи, зато всегда замечал, когда с Мишкой что-то не так...

– Конечно, не надо, – снисходительно заметил брат. – А то папа тебе голову оторвет, если пожар устроишь!

– Папа не оторвет!

Стас нехотя согласился:

– Ну, не оторвет. Он этого и не умеет, добрый слишком... Таким всегда не везет. Запомни!

Мишка оглянулся, хотя отца не было дома, и спросил шепотом:

– Она не звонила?

– Я с ней и разговаривать бы не стал, – отрезал Стас. Глаза у него стали похожи на стеклянные шарики. – Ушла и ушла. Нечего к нам лезть.

– Она не ушла, а уехала, – зачем-то сказал Мишка, хотя и сам понимал, что это ничего не меняет.

Старший брат посмотрел с той насмешливой снисходительностью, от которой внутри у Мишки все вскипало, как в серебристом высоком чайнике, что появился у них после маминого отъезда. Отец всеми способами пытался отвлечь сыновей от происходящего в семье, как сорок отвлекают ярко-блестящей штуковиной...

– Без разницы!

Лицо у Стаса сделалось грустным и длинным – так случалось всякий раз, когда разговор касался их матери. Правда, перемена приходила не в первый же миг, когда он ошетинивался со всей непреклонностью семнадцати лет, а спустя минуту, позволявшую больше никому не доказывать, как же он презирает эту... Ее...

«Они в жизни ее не простят». Мишка попытался слотнуть эту мысль, но она так и застряла в горле. Он испугался, что сейчас брат спросит о чем-то таком, на что он не сможет дать ответ.

Но Стас лишь небрежно бросил:

– Ну, ладно...

Не продолжая разговора, он быстро ушел в свою комнату. Мишка же остался в своей, отыскивая, чем бы заняться. Побродив из угла в угол несколько минут, взял недочитанную книгу Крапивина, чтобы спокойно поразмышлять, делая вид, будто читает, и никого не беспокоя тем состоянием оцепенения, в которое так хотелось погрузиться. Он не часто позволял себе думать о маме, потому что мысли эти были острыми, от них в груди все болел...

...В тот вечер родители заперлись на кухне, а Мишка подслушивал их разговор из своей комнаты, приставив к стене банку. Обычно он подобного не делал, но на этот раз глаза у мамы стали словно чужие, и он сжался от страха перед неожиданно поселившимся в ней новым чувством. Видимо, оно и ей самой казалось настолько ужасным, что им с братом нельзя было об этом знать.

Поначалу разговор между родителями, голоса которых шелестели, как бумага, показался ему самым обычным – о новой работе, которую маме предлагали. Чего в этом страшного? Но следом Мишка понял: речь идет о переезде в другой город. Только он и сам не понял – испугался этого или нет.

«Зато директором на местном телевидении назначат – это же здорово!» Он все силился понять, отчего в голосах обоих родителей появились нотки непереносимой муки?

А потом было произнесено имя какого-то Матвея, который займется маминым будущим, и Мишке сразу все стало ясно. Ладони увлажнились, и банка, через которую он слушал разговор, опасно заскользила, норовя грохнуться на пол. Тут же промелькнула мысль: «А током не шархнет?» И понял, что нарочно отвлекает себя этой глупостью от чего-то уже непоправимого, выпущенного родителями наружу. Только много дней спустя Мишка задумался над тем, каково же им обоим было жить с осознанием неизбежной разлуки.

«С какой стати мальчики должны ехать с тобой? Их дом, почва здесь, незачем вырывать их с корнем из родной земли!» – голос у отца стал скрипучим, как у старика. Мишке захотелось крикнуть, что не таким он должен быть, когда нужно уговорить родного человека остаться рядом! Неужели папа не помнит, он сам учил его, Мишку, этому? И вдруг понял: уговаривать никого не приходится, мама даже не протестует. Это просто игра в слова. Отец вынужден был озвучить то, что ей было не по силам самой сказать вслух.

Мишка поставил банку на пол и забрался в постель. Потом залез под одеяло с головой и часто задышал, но все равно не смог согреться. Наверное, потому, что в сентябре отопление в квартире еще не подключили. Но с тех пор прошло уже больше двух месяцев, а он все так и не согрелся.

Строчки в книге Крапивина плясали перед глазами. С этим Мишка уже сталкивался: буквы внезапно становились жидкими, как медузы, и начинали ползать по странице, налезая друг на друга. Удерживаясь, чтобы не шмыгнуть носом, ведь брат тут же услышит, Мишка быстро вытер глаза и мысленно отругал себя басом: «Здоровый пацан! А нюни развел, как маленький». Почему-то, пытаясь кого-то укорить, всегда напрашивается сравнение с кем-то более слабым...

Ему вспомнилось, как папа сказал по телефону: «Ради бога, не изображай Анну Каренину!», и Мишка понял, что звонит мама. Хотя кто такая Анна Каренина, он знал только понаслышке, ведь этот роман был о любви, а ему такие книжки казались скучными. Мама, правда, говорила, что там есть глава о лошадиных скачках, но не будешь ведь читать целую книгу ради одной главы! Зато он слышал, чем закончилась эта история, даже анекдоты на эту тему бытовали, поэтому он сразу испугался за маму.

Мальчику захотелось перезвонить ей тайком и запретить даже думать об Анне Карениной и сравнивать себя с ней. Но в тот день Мишка так и не остался дома один, а еще через день уже побоялся напомнить матери о том, что может случиться что-то настолько страшное, как в романе Толстого. Может, она уже и вовсе забыла о разговоре с отцом...

Иногда она успевала позвонить, когда Мишка возвращался из школы раньше Стаса. Но если брат уже оказывался дома, то приходилось просто молча отключать трубку, и мама не перезванивала. А в этом месяце не звонила вообще, хотя целую неделю Мишка просидел дома с простудой и мог бы разговаривать с ней хоть целый час, не опасаясь, что кто-то об этом узнает и осудит его.

У мальчишки, о котором писал Крапивин, мама как раз была, а вот отец погиб. Мишка подумал, что это ничуть не лучше. И еще – с горечью – о том, что мир устроен как-то однобоко: всегда чего-то ты оказываешься лишен. Если родители на месте, так болячка какая-нибудь прицепится или в школе зашпыняют...

Он закрыл книгу, на чтении которой все равно никак не мог сосредоточиться, и, повернув голову, посмотрел в окно. Уже начался декабрь, но снега еще было мало, и папа все откладывал обещанную прогулку на лыжах. Не бороздить же ими по земле, в самом деле! Правда, сегодня с утра разошлась метель, и когда Мишка возвращался из школы, ему колело щеки холодом.

Эти самые щеки его просто бесили! Они до сих пор были пухлыми, как у младенца, и сколько бы Мишка ни поднимал гантели и ни подтягивался на турнике, установленном в коридоре, на них это никак не сказывалось. Мама говорила, что, увидев его в первый раз, он сразу же показался ей похожим на игрушечного медвежонка из ее детства, поэтому она и назвала его Мишкой.

– А Стасик был похож на таракана, – ехидно добавлял он, если брата не было поблизости.

– Не болтай! – пресекала его мама. – Стас у нас просто красавец... А ты – мое теплое солнышко. Самое яркое и светлое.

«Я не скучаю по ней, – упрямо сказал себе Мишка, наблюдая, как ветер подхватывает с земли едва осевший снег, не давая ему возможности слезаться как следует. – Чего мне скучать? У меня вон и папа, и Стас рядом... А у нее один этот Матвей. Пусть они купаются себе в своих деньгах, хоть захлебнутся ими!»

На самом деле он, конечно, этого не желал. И если бы мама на его глазах действительно попала в беду, Мишка сделал бы все возможное, чтобы ей помочь. Но она, видимо, больше доверяла этому Матвею... Говорили, будто он так богат, что купил для мамы телевидение, но Мишке не очень-то в это верилось. Неужели у человека действительно может быть столько денег?

Однажды он сделал для себя неприятное открытие: если взять первые слоги от имени Матвей и от ее – Мария, то как раз и получится «МАМА». А с папиным именем, Аркадий, составлялось что-то пугающее, звучащее по-военному. Может, поэтому у них и не сложилось?

– Не болтай! – строго сказал он себе маминым голосом. – Придумал же...

Вытащив из ящика стола заготовки для картонного самолета, Мишка принялся вырезать оставшиеся детали, нашептывая, что это будет настоящая военная техника. Надо только покрасить его поярче, а то он какого-то непримечательного болотного цвета. Может, так и лучше для маскировки, но зато некрасиво...

«Если она приедет на Новый год, я подарю самолет ей! – эта мысль успела обжечь радостью прежде, чем он придушил ее на корню. – Очень он ей нужен... Она его и домой потом не довезет даже, помнет весь в дороге. Лучше Стасу... А еще лучше – себе оставлю. Стасу все равно уже игрушки не интересны».

– А папа когда придет? – спросил он громко, чтобы брат услышал его вопрос из своей комнаты.

Тот отозвался недовольным голосом:

– Не знаю. А чего тебе? Есть, что ли, хочешь?

– Да нет. Я так...

– Придет и придет. У него встреча со спонсором. Если их лаборатории дадут деньги, он свою новую работу сможет закончить.

В отличие от брата, Мишка не слишком хорошо разбирался в том, чем именно занимается отец. Но большой машиностроительный завод разработками папиной лаборатории очень даже интересовался, и время от времени отец получал от них суммы, казавшиеся Мишке гигантскими. Только их почему-то все равно ни на что не хватало... Отец говорил про свои заработки, что они вымазаны в машинном масле, поэтому прямо-таки выскальзывают из рук.

«А у Матвея, видно, не выскальзывают. Интересно, в чем вымазаны они?» – противно было то, что мысли постоянно возвращаются к этому человеку, которого Мишка даже ни разу не видел. По какому-то неведомому праву тот вошел в их жизнь и развел их с мамой по разным городам... Мишка и представить себе не мог, как теперь собрат всех воедино, хотя с младенчества поражал всех способностью справляться с любым, даже самым сложным, конструктором. Только в воссоединении семьи эти навыки были бесполезны.

Он повторял себе вновь и вновь: «У меня есть папа и Стас», но одиночество, которому Мишка не мог дать определения, заливало его изнутри, будто он был пустотелым шоколадным человечком, который никому не в радость.

Ножницы непослушно вихлялись в руке, норовя разрезать важную деталь фюзеляжа поперек. Ее, конечно, можно было потом склеить, но Мишка выходил из себя, когда что-то получалось не так, из-за этого мог бросить полностью всю затею. Практически все у него всегда получалось так, как надо, и это уже стало вполне естественным. Только в последнее время удача от него отвернулась.

Глава 2

«Выключить свет? – подумал Аркадий, даже не тронувшись с места. – Может, розоватые лучи утреннего солнца уже достаточно набрались силы, чтобы можно было разглядеть на бумаге эти странные, придуманные каким-то арабом значки? Он сам назвал их цифрами? Почему он нарисовал каждую так, а не иначе? И почему все человечество подчинилось его прихоти? Кроме римлян, пожалуй, но и они сдались... Вот оно – арабское владычество в действительности! Господи, какая ерунда лезет в голову...»

Не шевелясь, Аркадий смотрел на чайно-золотистую портьеру, которую надо было отодвинуть, чтобы впустить в комнату утро, еще пока не разбудившее сыновей. Проснувшись, он всегда передвигался по квартире тише кошки, половицы от шагов которой вечно скрипели, хотя она весила всего кило девятьсот. Аркадий знал это наверняка, ведь на днях мальчишки снова затолкали Нюську на кухонные весы. Взглянув на них, Стас деловито подытожил:

– Да еще минусуем около ста граммов какашек, она еще на горшок не ходила.

Нюська мрачно смотрела на них с пластикового поддона весов глазами убийцы, вдруг почувствовавшего тягу к своему поприщу, и все сильнее прижимала уши, становясь похожей на затаившуюся в листве рысь. Морда у нее была такой узкой и вытянутой, что казалось, будто кошка постоянно к чему-то принюхивается. Аркадий незаметно для ребят загородил собой младшего сына, ведь если б Нюська вздумала броситься на одного из них, то, конечно, жертвой выбрала бы Мишку. Его самого, как отца семейства и главного в доме, она очень любила, а Стаса побаивалась – он мог свернуть ей шею одним ударом, и кошка хорошо это понимала. Такое чутье свойственно всему женскому полу.

– Во всех нормальных семьях отцы уходят, а не матери, – однажды в разговоре с братом бросил Стас, уверенный, что папа не слышит. – У нас все не как у людей!

Однако, поразмыслив, добавил: «Ну и ладно, лучше быть не как все». После этого случая Аркадий так и не смог отделаться от мысли: сыновья предпочли бы, чтобы в этом их семья не отличалась от остальных.

Заметив, что Аркадий не занят работой, Нюська легко вспрыгнула ему на колени и вопрошительно муркнула. Они часто разговаривали так – каждый на своем языке, но обоим эти беседы доставляли удовольствие.

– Что, малышка, не спится? – он медленно провел рукой по гладкой, скользкой шерсти. – Ты ведь у меня сытенькая, только спать да спать... За окном столько снега навалило – тебя бы с ушами скрыло. Всю зиму его почти не было, а тут словно весь разом выпал! Тебе на улицу не стоит выходить, и дома хорошо, правда?

Кошка согласно зажмурилась и задрала слегка выпяченный подбородок, чтобы он его легонько почесал. Аркадий потеревил короткую шерстку пальцем.

– Вот ты от меня не уйдешь... Я даже не спрашиваю, ты заметила? Самоуверенность просто дьявольская. А ведь стоит забрести сюда какому-нибудь паршивому коту с его могучим зовом природы...

Это было не совсем справедливо по отношению к бывшей супруге и ее новому возлюбленному, ведь даже у него самого сложилось впечатление, что Матвей ее действительно любит. Однако «бывшую» пока только на словах – никто из них до сих пор не подал заявление на развод. Впрочем, Аркадий сделал бы это уже давно, если бы не полное отсутствие времени и отвращение к бумажной волоките. Он по сей день с ужасом вспоминал, как они приватизировали квартиру...

С Матвеем виделся всего раз. Больше и не надо, одного взгляда достаточно. Он выглядел настолько молодым, что Аркадий даже растерялся.

– Ты его усыновляешь? – он тут же понял, что со злости сказал пошлость, но извиняться не стал. Подавить непривычную для него злость Аркадий даже не пытался. Она спасала его от боли.

Маша виновато улыбнулась – эта привычка у нее появилась в последнее время – и проговорила совсем тихо, чтобы Матвей, задержавшийся у своего огромного джипа, не расслышал:

– Я и сама понимаю, что это безумие. Но я... Видишь ли... Я ничего не могу с собой поделать...

– Зачем было рожать детей, если ты, оказывается, так и не научилась держать себя в руках? – на смену пошлости пришла банальность, но Аркадий не мог себя контролировать.

Маша не ответила. Если бы она уже нашла те необходимые слова, подобрать которые практически невозможно, что могли оправдать ее, то уж наверняка произнесла бы их вслух. Но их просто не было. Любовь? Когда-то они с мужем сходились в мнении о том, что, если страдают дети, любовь не может служить оправданием.

– А у него?

Аркадий не уточнил, что именно имеет в виду, но она поняла все без слов, как и всегда, тотчас догадывалась обо всем, что он и додумать еще не успел.

– Нет, – она нервно улыбнулась Матвею, который был уже близко. – Хотя он был женат. Но детей нет.

У Аркадия вырвалось нелепое:

– Прекрасно!

– Что – прекрасно? – Матвей заинтересованно и с одинаковым дружелюбием посмотрел на обоих. Словно и не он, внезапно появившись в их жизни, растоптал то, что выстраивалось ими чуть ли не двадцать лет.

Маша противилась, когда Аркадий так сильно округлял количество лет, прожитых в браке. «Всего семнадцать! – уточняла она. – Ты же математик, должен бережно обращаться с цифрами».

– Прекрасно то, что вы будете жить в пяти часах езды отсюда, – сказал Аркадий. И хотя секунду назад речь шла о другом, это тоже было правдой.

– Я думаю! – откликнулся Матвей и весело тряхнул светлыми, ровно остриженными чуть ниже уха волосами. – А то торчали бы у вас перед глазами!

Но взгляд у него оставался настороженным и, как показалось Аркадию, чуточку умоляющим. Было понятно, о чем он безмолвно просит, только Аркадий и без того не собирался ни проклинать их, ни устраивать скандала. Не то чтобы потрясение прошло, а обида уже улеглась, просто он отлично знал: времени упиться своим горем будет достаточно. Уже потом, когда эти двое наконец уедут...

Матвей перестал улыбаться. Похоже, это давалось ему нелегко. Он оглянулся на засыпанные желтыми листьями столики летнего кафе. Их до сих пор не убрали, хотя желающих выпить «Пепси», сидя на свежем воздухе в такую погоду, уже не было. Аркадию показалось, что столы усеяны скомканными носовыми платочками, и подумал, что, должно быть, это кафе видело много расставаний...

– Давайте сядем, – вполне предсказуемо предложил Матвей и отодвинул для Маши стул.

Теперь, когда он ссутулился и перестал встряхивать волосами, почти невозможно было поверить в то, что этот человек так богат, как о нем говорили. Разве зажиточные люди ходят в самых обычных свитерах и джинсах?

Усаживаясь, Аркадий несколько раз пристально взглянул ему в лицо. Оно было крупным, но не полным, скуластым, и желваки ходили так заметно, что на мгновение Аркадию стало его жаль. Это чувство было столь же нелепым, как и предстоящий разговор, каким бы он в итоге ни вышел. Впрочем, как и вся их история, если ее поведать в двух словах: сорокалетняя женщина

(ну, почти сорокалетняя!), мать двоих детей, уходит к тридцатилетнему... или сколько там ему... парню и при этом не устает твердить, что на деньги ей плевать.

Это лицо... Аркадий цепко взглянул на него еще раз. Что в нем такого, перед чем невозможно устоять? Маша была далеко не из тех, кому незнакомо слово «ответственность». Сыновьям она отдавала полностью всю себя, другая с такой отдачей уже давно перестала бы следить за собой, а у Маши только черты лица стали чуточку острее за эти годы. Почему же они, все трое, внезапно растворились в тени этого Матвея, словно за ним тянулась полоска кислоты, все за собой разъедающая?

– Как же нам быть с мальчишками? – спросил Матвей, пристально глядя на искореженный старостью лист, который отрывисто трогал пальцем, будто пытаясь дозвониться до осени. Может, просил послать дождь, чтобы этот мучительный для всех разговор можно было прервать...

Аркадий с трудом принял то, что он так запросто назвал его сыновей «мальчишками». Хотя это было вполне справедливо, как еще можно было о них сказать? Дети? Да ребята бы убили новоявленного «папу» за такие слова даже не задумываясь. Особенно Стас.

– А что вас волнует? – Аркадий смотрел на него холодно, но без той злости, которая сама собой приливалась к глазам, стоило только взглянуть на Машу.

Матвей несколько раз кивнул, хотя вопрос не предполагал согласия или отрицания. Прядь волос упала ему на глаза, и он отбросил ее раздраженным жестом.

«Он сердится на себя за то, что моложе меня и носит модную стрижку, а я лысею. А еще за то, что ездит на джипе, – насмешливо подумал Аркадий. – Он решил, будто я ненавижу его за все это».

– Вы не хотите их отпускать?

– А вы хотите попытаться забрать их?

– Не я... Почему я? Но это же Машины дети.

«Вот за это Стас бы его точно убил», – отметил про себя Аркадий и, стараясь говорить спокойно, пояснил:

– Маша меняет свою жизнь. Кто может ей запретить? Но почему по ее прихоти мальчишки должны отказываться от привычного хода их жизни? Этого хочется ей, а не им. Они здесь выросли, тут их друзья, школа...

– Школа-то заурядная, – заметил Матвей. – Терять особо нечего. Я, например, сменил пять школ.

– Меня не интересует, как было у вас.

– Ну, понятно!

– А вы смысленный! Тогда вам не составит труда понять все, что я могу сказать, но предпочту этого все-таки не озвучивать.

Бросив на Машу тревожный взгляд, Матвей выложил последний козырь:

– Я мог бы организовать им обучение за границей. В Англии, например. Легко!

«Организатор хренов! – едва не вырвалось у Аркадия. – Массовик-затейник!»

– Вы не поверите, – отозвался он церемонно, – но я сторонник российской системы обучения...

– В МГУ хотите?

– Я ничего не хочу. Я уже отучился, слава богу!

У него мелькнуло язвительное: «У этого типа хоть образование-то есть? Или начальной школы хватает, чтобы деньги считать?»

Он посмотрел на Машу, еще полгода назад (или когда там у них началось?) считавшую себя духовной гурманкой. Трудно было поверить, что Матвей обворожил ее, читая Бродского... На какой-то миг ему показалось, что Маша их даже не слушает, так увлеченно она гоняла по десятисантиметровому квадрату оставленную кем-то пивную пробку. Этот кто-то

и не подозревал, в каком разговоре примет свое молчаливое участие не выброшенная им пробка...

«Да что с тобой! – Аркадий еле удержался, чтобы не отбросить от нее Машину руку. – Ты же брезглива, как черт знает кто! Что с тобой происходит?»

Почувствовав на себе его взгляд, она подняла глаза, и Аркадий вновь увидел то, что месяц назад заставило его оцепенеть: Маша смотрела словно сквозь него. Для нее он будто растворился в пространстве, и это ее ничуть не расстраивало. Ему стало страшно случайно перехватить ее взгляд, устремленный на Матвея...

– Так что обсуждаем? – заторопился он, боясь отпустить ее невидящие глаза. – Все предельно просто и ясно. Мальчики остаются со мной. А вы живите, как хочется, никто вам не указ.

– Я могу... – первые слова дались Маше с трудом. – Я могу приезжать?

– Ну разумеется!

Аркадию показалось, что он говорит голосом героя какого-то семейного фильма о правильном поведении при разводе.

– А ты будешь отпускать мальчиков к нам? Ко мне, – быстро поправились она.

Аркадий неожиданно для самого себя сорвал с лица невидимую маску:

– Я думал, ты жить без них не можешь! А ты оговариваешь часы свиданий!

– Я не могу! – голос у нее взлетел и тут же смешно сорвался. – Действительно не могу!

Но ты же не хочешь меня понять...

– Я еще помню, как ты брезгливо кривилась, когда одна певичка ушла от мужа к стриптизеру, – выпалил он, отлично понимая, что это – вызов.

У Матвея помертвело лицо.

– Я вам не стриптизер, – его голос прозвучал совсем низко.

Аркадий без особой радости отметил: задел как следует. Следовало бы остановиться на этом, но он язвительно добавил:

– И вы, конечно, будете любить ее до конца дней своих! Пока смерть не разлучит вас...

– Я вам шею сверну, если вы попытаетесь ее обидеть!

«А вот это моя реплика, – ревниво отметил Аркадий. – Он нарушает правила игры. Может, он просто не знает их? Классику не читал?»

– Не надо...

Произнесенные шепотом, Машини слова отозвались новой болью: она допускала демонстрацию интимности со своим новым возлюбленным прямо при нем. И в том, как были взъерошены ее короткие черные волосы, тоже проглядывал элемент их близости, словно Маша только что выбралась из постели...

– Это уж ни в какие ворота – заверять, что я буду любить Машу вечно, – заговорил Матвей почти спокойно, только под кожей щеки что-то нервно подрагивало. – Никто не может знать, сколько это продлится. И вы, в свое время, не знали. Маша не знает... Но сейчас... Маша, закрой уши! – повеселев, прикрикнул он. – Сейчас я готов землю прогрызть, чтобы она была счастлива!

– Зачем грызть землю? – бесстрастно поинтересовался Аркадий. – До Австралии вы и на самолете сможете добраться. А сейчас садитесь в свой джип и уезжайте навстречу счастью. Никто у вас на дороге не встанет.

Смахнув со стола горсть листьев, Матвей выкрикнул, подавшись вперед:

– Да вы еще как стоите! И уходить не желаете.

– А вам надо, чтобы я застрелился? Или чемоданы помог донести?

– Я... Мы хотим быть уверены, что вы не станете настраивать мальчишек против Маши.

– Больше, чем она сама против себя настроила? Не стану, будьте спокойны.

С сомнением дернув сломанной посередине бровью, Матвей пробормотал:

- Будешь тут спокоен...
- А как же ваше «легко»? Я думал вам все – легко!
- Не все, как видите, – он вдруг улыбнулся. – Но я уж постараюсь, чтобы нам всем стало легче. Разве такое не возможно?

Глава 3

«Однажды из твоей комнаты исчезнут игрушки... Как это происходит? Их собирают в мешок и выносят на свалку? Или они и вправду сами уходят по ночам на цыпочках, как представлялось мне в детстве? По очереди: солдат за роботом, медвежонок за лошадкой с безумным взглядом... Так незаметней. Детство уходит именно так. По капле. Незаметно.

Со Стасом мы такого не пережили, его игрушки просто перекочевали в твою комнату. Сколько им осталось жить там? Тебе скоро двенадцать. Когда заходят девочки, ты уже стесняешься своих молчаливых друзей, и твои все еще нежные ушки начинают гореть и светиться красным. На их глубоких ободках чуть заметные серебристые волоски, которых я уже много лет не касалась губами, ведь это ласка женская, не материнская.

Я лишила себя возможности быть с тобой рядом, когда ты будешь прощаться с детством... Ах, какое торжественное словосочетание! А ведь на самом деле никакого прощания не бывает, потому что никому не дано угадать тот ускользящий миг, когда растает последний луч этого долгого солнечного дня.

Впрочем, я говорю глупости. Это солнце – твоё детство – может остаться в тебе навсегда, как навечно поселилось оно в Матвее. Это теплое свечение притянуло меня и погрузило в себя так глубоко, что уже и не выбраться. Жаль, что вы не познакомились, он понравился бы тебе. Как и ты, он видит в этом мире столько красок, что их веселый вихрь заставляет его сердце колотиться вдвое быстрее, чем у обычного человека.

Его детская непоседливость иногда пугает, он не может надолго успокоиться чем-то. И его капризное: «Хочу немедленно!» – тоже пугает... Трудно представить, чтоб он не добился того, чего по-настоящему желает.

Но эти мелочи не заслоняют от меня главного: его способности изумляться Красоте, упиваться ею. Влажные ложбинки на утренних листьях сирени, и вельможное покачивание папоротника, вспышки летящей паутины – все эти волшебные мгновения он замечает и дарит мне. Он первым слышит новые интонации в возгласе птицы, почуявшей весну. И до сих пор чувствует трепетный запах этой поры, когда мне самой кажется, что весной давно уже не пахнет.

Я могла бы сказать, что мой мир расцвел с появлением Матвея, если б не видела, как непоправимо померк он без тебя. Без вас со Стасом...»

– Ты молчишь уже третий час, – Матвей смотрел на влажно темнеющую среди белесых от снега полей дорогу, летевшую под колеса их автомобиля, но страх в его взгляде отразился от лобового стекла, и Маша успела его поймать.

– Мне есть о чем подумать, – заметила она.

– И это, понимаешь, правильно, – сказал он голосом Ельцина.

Маша бы рассмеялась, ведь обычно это ее смешило. Но только не в этот раз.

– Не смешно, да? – Матвей мельком взглянул на нее, но тот самый страх, поселившийся в его взгляде, успел холодом скользнуть по ее щеке.

– Смешно. Мне просто немного беспокойно. В последнюю встречу он вел себя, можно сказать, по-рыцарски, после чего я всю неделю была какая-то опустошенная. Наверное, было бы легче, если бы он орал...

– Тогда я тоже начал бы орать, – сообщил Матвей. – Мы подрались бы. Я, конечно, убил бы его одним ударом. Легко! И на целую вечность сел бы в тюрьму. Тогда бы тебе было легче?

– Это было бы прикольно.

Маша знала, что он не любит, когда она начинает говорить языком своих детей. Но ей казалось, что если такие словечки забудутся совсем, это будет предательством с ее стороны. И

тут же подумала: больше того предательства, которое она уже совершила, вряд ли могло что-то быть...

– У твоего мужа, если честно, следует брать уроки выдержки. Но мне как-то не хочется...
А у него, между прочим, хорошее лицо.

– Ты говоришь о нем, как о собаке.

Ей было известно, что Матвей любил собак. Только почему-то так и не завел ни одной. Поколебавшись, Маша спросила об этом сейчас. Он взглянул удивленно, смущенно усмехнулся, потом все же выдавил:

– Понимаешь, они все такие чудесные, одна лучше другой. Вот так возьмешь одну, а потом другая понравится еще больше. Разве я смогу себе отказать? А с первой что делать? Не питомник же открывать...

Ответ не требовался, и Матвей опять заговорил о ее муже. Было похоже, что он наслаждается, истязая себя.

– А глаза у него всегда были такими... усталыми? Или это мы его так выпотрошили?

– Усталыми? Мне они казались просто серьезными. Умными.

Он скосил заблестевший усмешкой взгляд:

– После него приятно влюбиться в круглого дурака! Почему это он в тот раз сравнил меня со стриптизером? Я только сейчас вспомнил.

Маша прорычала ему в ухо:

– У тебя роскошное тело!

– Щекотно! – Матвей потерся ухом о плечо. – Я в самом деле похож на дурака или это он со злости?

– А ты как думаешь? – она с облегчением обнаружила, что тяжесть, совсем захватившая ее за три часа пути, понемногу стекает на дорогу.

Он вдруг сказал:

– Не волнуйся. Пацаны ждут тебя. Все-таки Новый год. Семейный праздник... Я испарюсь. Пережду в каком-нибудь клубе. Надеюсь, они у вас есть?

– Ты сейчас – моя семья, – Маша поморщилась, потому что в ее словах прозвучало название одного из телевизионных ток-шоу, от которых уже подташнивало.

– Но меня-то, признаем, там никто не ждет!

– А меня? Стас бросает трубку...

– Ну, так! В семнадцать лет я был еще той сволочью!

Она возмутилась:

– Хочешь сказать, что мой сын – сволочь?

– Да нет, нет! Он – ангел во плоти. Только ведет себя по-сволочному...

– Я заслужила.

Было необходимо, чтобы Матвей тотчас же начал ее разубеждать, но он на секунду замешкался. «Он тоже считает, что заслужила, – Маша успела понять это и замерла, как от удара исподтишка. – Он, конечно, рад, что я так сделала, но и ему это кажется предательством. А как еще это можно назвать?»

Злость сдавила ей горло, отдаваясь в нем фразами, в которых было столько банальности, что самой стало противно: «Я всем пожертвовала ради него! И он еще смеет... Какая же я...»

– Мы на твоей земле, – сказал Матвей так весело, будто они шутили все это время.

– Что? – она еще не пришла в себя от обиды.

– Непроступная граница осталась позади. Это уже ваша область.

– Чья это – ваша? – горло не отпускало, и Маше хотелось, чтобы он тоже ощутил хоть отголосок ее боли. – Я здесь больше не живу, если помнишь!

Просевшие от холодного груза лапы елей мчались на нее лопастями гигантской мельницы, готовой измельчить в труху все, что составляло сейчас Машин мир. Ведь все это было ничтожно, ничтожно...

Матвей быстро взглянул на нее и воскликнул, пытаясь удержать тот же беспечный тон:

– Так это ты живешь со мной? А я-то голову ломаю: где я тебя видел?

«Не смешно. Он ребячится, потому что не может иначе или чтобы я поменьше тосковала о мальчиках? В любом случае ему не удастся заменить их... Если бы мне нужен был еще один ребенок, я родила бы его, вот и все». Маша отклонила голову к стеклу. В машине было тепло, и она сняла вязаную шапку, которую носила зимой. Ей вспомнилось: «Мишка хотел сестренку. Он посмотрел «Корпорацию монстров», и ему захотелось, чтобы по нашему дому тоже бегала маленькая хохотушка, которая нежно говорила бы Ньюське: «Кися...» Надо было родить и сидеть дома. И не было бы никакого Матвея...»

– Останови машину!

Она выкрикнула это, и Матвей резко нажал на тормоз. Обоих швырнуло вперед, и он будто окунулся во что-то белое – так побледнело его лицо.

– Ничего, – выдохнула Маша прежде, чем он спросил. – Я хотела сказать, что люблю тебя. Но это нельзя говорить на ходу.

– Я очень боюсь этой поездки, – тихо признался он, не отводя от нее глаз, и ей подумалось: это лучшее из всего, что он мог ответить.

– Бояться нечего. Тебе-то уж точно. Все уже разорвано. И все уже пережили это...

– Так, может... – Матвей оборвал себя и мотнул головой. – Нет. Нет, конечно!

– Лучше и не ездить? – она сама столько раз спрашивала себя об этом, но сейчас у нее онемели губы.

Он молча заставил машину тронуться.

– Я хочу их увидеть, – сказала Маша через силу. – Это будет не радостная встреча, я знаю. Но если я не приеду, они решат, что я совсем отрекаюсь от них. Ведь Новый год... О господи!

В груди у нее все разрывалось от боли – впору было кричать, а она лишь прижала к глазам стиснутые кулаки. Пальцы были ледяными, а лицо горячим. Маша подумала, что вся ее жизнь из таких противоречий и состоит, и разозлилась на себя за эту непреходящую способность к мышлению. Кого она сделала счастливым?

Тормоза горестно вздохнули, и рука Матвея, теплая и тяжелая, легла на ее волосы.

– Попробую поговорить с ним еще раз, – сказал он, не призывая Машу успокоиться. – Может, он уже вымотался за эти месяцы?

Она опустила руки, а Матвей убрал свою и отвел глаза, чтобы не раздражать ее состраданием.

– Дело ведь не в том, что Аркадий не хочет их отпустить. Они сами не хотят ко мне. И знаешь что? Если бы все это происходило не с нами, я была бы на их стороне. Я всю жизнь презирала Анну Каренину! Со школьных лет. Когда он по телефону сравнил нас, меня так и прошибло. Мне-то всегда казалось, что со мной такого просто не может случиться! Скажи мне, как это произошло, что я не могу жить без тебя?!

Она прокричала это, уже не пытаясь скрыть упрек, почти ненависть к тому необъяснимому магнетизму Матвея, перед которым она не могла устоять. Он притянул ее так мощно, что освободиться и при этом остаться в живых было уже невозможно. И все же, если бы Маша позволила вырваться тому, что жгло горло: «Ты лишил меня счастья!», это было бы правдой. Счастливой она себя не чувствовала.

– Мне нужно было испариться еще тогда... Весной. Когда было не поздно.

– А ты смог бы? – Маша напомнила себе любую из миллионов женщин, ищущих подтверждения необратимости любви, охватившей их. Она поежилась.

Матвей смотрел на застывшую перед ними дорогу.

- Не знаю. Как узнать, если я уже поступил по-другому?
- Действительно...
- Я стараюсь быть честным.
- Мы живем в грехе, а ты говоришь о честности?
- Я считал, что мы живем в любви... Стой! – он приказал это будто себе самому и повернул к ней лицо, готовое к смеху. – Я придумал! Раз наступает год Лошади, мы должны подарить им лошадь!

Его фантазии Машу уже не поражали, именно они сделали их телевидение популярным у зрителей. Она лишь уточнила:

- Живую?
- Ну, не смердящий же труп!
- Идея грандиозная. Только сначала придется подарить им усадьбу с конюшней.

Матвей разочарованно пробормотал:

- Да, действительно. Это мне сейчас не по карману...

«Слишком много затрат в последнее время», – она опять подумала о телевидении. Маша прекрасно знала, все вокруг считали, будто она задурила голову богатому парню только ради своей карьеры. И было бесполезно объяснять каждому, что любимому человеку хочется подарить все самое лучшее. К тому же тогда следовало бы добавить: на самом деле Матвей ошибся...

Ее вдруг осенило:

- А что, если нам с тобой купить лошадь?
- Легко! И задобрить их этой скотиной? – сразу сообразил Матвей.
- Мелко, я знаю. – Маша почувствовала, как улыбка становится заискивающей.

Он заговорил виновато, быстро поглядывая на нее:

– Не в этом дело. Понимаешь, пока не видишь, не можешь и хотеть этого... чего-то... так сильно, чтобы переступить через себя. Мечту тоже можно видеть, как живую. Только разве твои пацаны мечтают о лошади?

Маша тронула руль:

- Поехали. Ты прав. Они не хотят лошадь.
- А чего они хотят? Каждый из них. Ты знаешь? Ну, вспомни! Мы купим.

У нее вырвался недобрый смех.

– Они хотят вернуться в прошлое, – сказала она уверенно, потому что временами сама нестерпимо этого хотела. – На год назад. Тогда был веселый декабрь...

Несколько минут Матвей молчал, а когда она уже далеко ушла в мыслях от последних слов, вдруг сказал:

– Где-то он должен быть, этот ход в прошлое. С чего бы столько писали о перемещениях во времени, если бы на самом деле его не существовало?

- О скатерти-самобранке тоже писали...

Он тут же отвлекся и пожаловался:

- Есть хочется!
- Ты опустишься до придорожной забегаловки?
- Легко! Нам еще час ехать, не меньше. Мой желудок уже сожрет сам себя.

«Сердце тоже может сожрать себя. Раньше я этого не знала». Маша отвернулась к окну, но быстро устала от того, как взгляд перескакивает с устрашающе торчавших веток голого куста на озябшую березу, потом на брошенную покрывку, потом...

– У тебя такое лицо, что впору сказать: «Лучше бы мы не встретились», – Матвей пытался улыбаться, ведь это звучало слишком страшно. – Так могло быть... Ты не приехала бы на тот телефестиваль. Послали бы кого-то другого...

– Это был мой материал, кого еще могли послать? – вяло возразила она.
– Да могли бы! Уж ты-то знаешь... Да и я мог заняться не телевидением, а...

– Металлорежущими станками, – Маша сказала наобум, а получилось – напомнила себе о муже.

Ему тоже вспомнился Аркадий:

– Или стриптизом.

– Да-да, – ей не хотелось шутить. И откликаться на шутки тоже не хотелось.

Он спросил:

– Помолчим?

Маша не ответила. Ее память, как в игральном автомате, вдруг выбросила тот день, когда она угодила в поток энергии, который несся вслед за Матвеем. На том фестивале работали мастер-классы, и в одной из студий снимали короткометражку для новой региональной передачи, в которой зрителям предлагалось выбрать финал истории. Предусматривался интерактивный опрос и дискуссии в студиях областных центров, и все это могло вылиться во что-то интересное. По крайней мере, так показалось Маше, которая осталась на съемку, пожертвовав очередным просмотром конкурсных работ. Легко! К тому моменту она видела Матвея только издали (разве можно его не заметить!), а тут решила, что он – режиссер, потому что все в студии слушали только его. Потом уже выяснилось, что он из тех продюсеров, которые на самом деле и определяют судьбу фильма.

– Я хочу, чтобы этот план ты слегка завалил, получится динамика, – убеждал он оператора, все показывая руками. – Крупняки потом снимем, сейчас давай диалоги.

Пока работали артисты и операторы, Матвей стоял у одного из них за спиной и чуть ли не обнимал его, воздев руки, так ему хотелось управлять и камерой тоже. Игнорируя настоящего режиссера, маленького, похожего на обиженного хомячка, он обращался к актрисе, классически красивой, как отметила про себя Маша:

– Я попросил бы вас, когда будем снимать крупным планом, сделайте движение бровями. Да, вот так! Наезд на зеркало! Вот, план сразу ожил. Еще раз. Все, пишем.

От напряжения, которое возникло в ней в какой-то момент и так и задержалось, Маша вытянула шею, следя не только за тем, как Матвей работает, но и ловя каждый его жест и интонацию: как он морщит большой, выпуклый лоб, взмахивает длинными руками, ничего не замечая в своей увлеченности происходящим, как всем лицом откликается на игру актеров. Вдруг их взгляды встретились, и он ей улыбнулся. Если бы он этого не сделал, Маша бережно унесла бы из студии лишь восхищение его профессионализмом, но Матвей покорила ее этой улыбкой, посланной поверх голов десятка присутствующих в студии людей. Она так растерялась, что не сообразила улыбнуться в ответ.

Даже обманчивый свет жарких софитов не смог скрыть от нее зеленый цвет его глаз. Как у той беды, про которую они пели с девочками в школе. Правда, эти были почти бирюзовые. Таких глаз она еще не видела. И ей вдруг показалось, что всю свою жизнь она искала именно эти глаза. Их неземной свет, который способен перенести в другую реальность.

«Я нагнетаю, придумываю, – пыталась она убедить себя в те безумные дни, когда рыскала взглядом по залу, по коридорам с единственной мыслью: «Где он? Где?» – У меня ведь все уже сложилось, этим нельзя рисковать. Менять я ничего не собираюсь. Мне просто понравились эти ощущения... Эти замирания в груди... в животе... Эти сны, в которых я все время плачу и говорю ему почему-то по-английски: «Ты – моя мечта... Моя мечта». Но я ведь прекрасно знаю, что мечты никогда не сбываются. Я уже выросла из этих детских стремлений к мечте».

Она действительно верила в это...

В придорожном кафе со смешным названием «Остановись-ка!» пахло жареной курицей в чесночном соусе, и Маше тоже захотелось поесть, хотя минуту назад она об этом и не думала.

Матвей уже скользил между столиками, изображая услужливого официанта. На каждом шагу он оборачивался, и Маша читала по губам: «Айн момент, айн момент!»

На него уже посматривали окружающие, но ему не было дела до чужих взглядов. Это тоже было одним из тех многочисленных потрясений, которые она пережила с ним. Ее-то саму телевидение приучило помнить, что на нее смотрят постоянно.

«Оказывается, это и есть жизнь, – отвращение опять подступило к горлу. – Нажраться курицы, развалиться в громадной машине, поболтать по крутому мобильнику... Мне этого не хватало? Вот, получи! Расплатись своими детьми».

Она знала, что Матвей видит ее лицо, которое лучше бы сейчас не показывать. Ему даже не приходилось надевать контактные линзы. У него было хорошее зрение, хорошая голова, хороший характер, хорошая улыбка... Разве она могла не влюбиться в такого мужчину?

«Могла, – Маша отвернулась к окну и встретила взглядом с собакой, которая сразу встрепенулась и неуверенно вильнула хвостом. – Вот у кого ничего нет. А у меня действительно все было. Но... Но! Каких-то пять лет, и мальчики ушли бы сами, так уж заведено. А Матвей уже был бы потерян. Я украла у них пять лет детства, чтобы выгадать себе пять лет молодости. Я не чувствовала себя молодой с Аркадием. Потому что он сам внутри давно постарел».

Ее муж даже в двадцать лет был тихой водой. Не тихим омутом, а спокойной рекой, в которой глубина – не обманная, а вот движения почти нет. Против него Матвей казался горным потоком, обжигающим, не допускающим сопротивления. Он все время куда-то бежал, размахивал руками, фантазировал, всех вокруг увлекая в свой мир. Беспреданно звонил телефон, двигатель машины не оставался выключенным ни на миг, даже телевизор, когда его смотрел Матвей, перескакивал с канала на канал.

Иногда Маше казалось, что ее начинает утомлять такой темп. Может быть, она действительно была стара для него... С Аркадием она не ощущала усталости, ведь и уставать-то было не от чего. У них никогда не случалось ничего плохого, никаких бед, которые могли бы встряхнуть обоих. Этому можно было только радоваться, но теперь Маша подумывала, что им с мужем пошло бы на пользу, если бы хоть однажды их как следует шарахнуло о подводный камень...

– Купи что-нибудь для той собаки, – попросила она, когда Матвей вернулся. – Смотри, какая несчастная!

– Мы ей кости отдадим.

– Ты жадничаешь? – изумилась Маша.

До сих пор она не замечала в нем этого. Чаще Матвея приходилось хватать за руку, чтоб он не источал золотой дождь.

Он обиделся:

– Почему это? Собаки же любят кости!

– Глупый. Собак нельзя кормить куриными костями. Они острые, могут вонзиться в горло.

– Серьезно? – прижав руку к груди, будто у него схватило сердце, протянул Матвей преувеличенно-потрясенным тоном. – Ладно, куплю ей бутерброд. Она не поперхнет хлебными крошками?

Маша сказала ему вслед:

– Я сама отнесу ей.

Она почувствовала себя отчаявшейся грешницей, пытающейся задобрить Бога через подаяние нищему.

Глава 4

Если бы она не приехала, вполне возможно, он встретил бы Новый год, чувствуя себя почти человеком. Аркадий и раньше знал: никто не страдает из-за предательства вечно. «И это пройдет...» Вот только *когда* пройдет, не смог бы сказать ни один из мудрецов.

Ему претило думать, будто он страдает из-за любви, это было совсем не то. Его любовь к жене не являлась ни безответной, ни осмеянной. Они прожили в счастье так долго, что грешно жаловаться на судьбу. Предательство – вот что мучительно. В том числе и предательство Машей самой себя. Ведь та Маша, которую он знал почти двадцать лет, была человеком надежным. Не способным бросить своих детей.

То, как они с Матвеем без предупреждения возникли на пороге ее бывшей квартиры в последний день уходящего года, было похоже на вероломную атаку. Именно тридцать первого декабря всеми овладевает сентиментальное настроение, похожее на ностальгию по собственным детским ожиданиям то ли чуда, то ли подарка, и все равно, как оно (он) проникнет в вашу жизнь – через трубу, или возникнет под елкой на куске ваты, изображающей снег, или появится в почтовом ящике. Это день, когда ничего не стоит справиться даже с самым несговорчивым упрямым.

Аркадий таким не был. Та злость, которая жила внутри его в сентябре, когда Маша уезжала, давно испарилась, ничего не оставив себе взамен. Пустота позванивала в нем ночами, когда стихали другие звуки. Широкая для одного кровать обманывала: Аркадию мерещилось, что стоит неосторожно повернуться, и его поглотит пропасть, образовавшаяся с того края, где раньше спала жена.

Он лежал, вытянувшись вдоль кровати, и, не отрываясь, смотрел в потолок, которого, казалось, тоже не было – только чернота, не имеющая дна. А пустота все звенела, разлетаясь по миру и суля обманную легкость тем, кто доверял голосам ночи. Если бы Маша явилась в полночь, кажется, он бы даже не удивился...

Но эти двое прибыли в полдень, это значило, что выехали – ни свет ни заря.

«Выгадали время на случай, если я выставлю их за порог и придется искать пристанище, где встретить Новый год... Хотя чего опасаться с его деньгами?» Забыв вдохнуть, Аркадий следил, как они идут от своей до неприличия большой машины к ободранной двери их подъезда, и пытался выудить из памяти причину, побудившую его подойти окну. Разве раньше у него была такая привычка? Но жар, хлынувший к голове от всполошившегося сердца, был нестерпим настолько, что предыдущие мысли и предчувствия обратились в прах.

«Хорошо, что мальчишек нет дома». он засуетился, пытаясь вернуть хладнокровие, чтобы встретить Машу с каменным лицом. Матвей не поднимется, в этом можно не сомневаться, несмотря на то что тот и направлялся к подъезду.

«Чтобы открыть перед ней дверь». Аркадий подумал об этом с досадой, хотя и сам всегда открывал ее перед женой. Но сейчас, когда злости больше не было, казалось, будто он тоже виноват в случившемся. От чего-то же возникла в Машинной душе та брешь, в которую проворно втиснулся Матвей. Может, именно в тот день, когда она уезжала на этот чертов фестиваль, Аркадий забыл поцеловать ее на прощание? Или просто оказался рассеян и ляпнул: «Да-да...» вместо: «Счастливо!», как иногда с ним случалось?

Обычно Маша посмеивалась над этим: ученый и должен быть Рассеянным с улицы Басейной... А в тот день ей, видимо, стало не смешно, а обидно. Хотя, может, причина и не в этом. Теперь уже ни его, ни ее память не могла восстановить: в каком месте находился тот первый камень, который они обошли с разных сторон, забыв, что по примете это приводит к ссоре. А изводить себя догадками тоже не имело смысла. Каждая из них являлась очередной

жердочкой навесного мостика, который уже давно должен был рассыпаться, чтобы освободить их с Машей друг от друга.

– Рубашку!

Аркадий метнулся в спальню, на ходу стягивая домашнюю майку, о которую минуты три назад, забывшись, вытер замасленную руку, и темные, глубокие на вид пятна отчетливо проступали на синем трикотаже. Выдернув из шкафа совсем новую рубашку с короткими рукавами («Она должна увидеть, что я – другой... Что жизнь продолжается и без нее...»), Аркадий, продолжая суетиться, застегнул пуговицы и уже на последней от облегчения обмяк – успел.

Но еще нужно было вонзить расческу в седеющие волосы, уже не такие густые, как раньше, но сегодня особенно спутавшиеся. И перед зеркалом натянуть маску безразличия к происходящему. И, конечно, не сразу отозваться на звонок в дверь.

– Ого! Какими судьбами?

Это прозвучало достаточно равнодушно. По крайней мере, ничуть не взволнованно. Машино же лицо в волнении заметно подергивалось...

– Я... Можно мне войти?

– Отчего же нет? – Аркадий еще раз похвалил себя за выдержку и тут же устало подумал: «Какое ребячество... Неужели нелюбовью можно гордиться? Глупая, глупейшая игра...»

Не предложив Маше раздеться, он долго рассматривал ее испуганное, с умоляющими глазами лицо, потом спохватился:

– Снимай шубу. Это и есть норка?

– Это и есть... А почему ты спрашиваешь? У тебя же была норковая шапка.

– Здесь ее много, – он усмехнулся. – Смотрится иначе.

– Детей нет? – боязливо спросила Маша, назвав их так, как только она себе позволяла, и они нисколько не обижались. Когда-то не обижались...

Аркадий подхватил невесомую шубку: «Хорошая выделка». мех воротника ласково прильнул к его ладоням, и ему захотелось швырнуть норку на пол, усеянный мокрыми пятнами от растаявшего снега, чтобы не поддаться этому обману.

– У них елка в школе, – сдержанно пояснил он. – Так теперь, правда, не называют. Новогодний вечер. С двенадцати часов дня! – усмешки выскакивали одна за другой, Аркадию уже казалось, что они выдают его истинные чувства. – По-моему, это чистое безумие – устраивать школьный праздник именно тридцать первого...

Маша прижалась спиной к своей шубе, обвисшей на крючке:

– Наверное, мне лучше повидаться с ними в школе? Ждать, наверное, долго... У тебя, наверное, дела.

– Наверное, – повторил он слово, которое выскакивало из Маши, как из него самого эти глупые смешки.

– Я... Да. Как ты?

В ее голосе прозвучала неподдельная боль, и Аркадия передернуло, будто иглой ткнули в нерв.

– Вполне, – он снова взял шубу и подал ей. – У меня новый контракт. Со дня на день стану миллионером.

Маша нервно улыбнулась, и он подумал, что иначе как шутку она и не могла воспринять его слова. Отодвинув засов на двери, он лениво бросил:

– Ну, пока. Да! С наступающим тебя...

«Наверняка она даже не заметила мою рубашку... Ребячество. Сплошное ребячество». Аркадий проводил взглядом джип, спрашивая себя, что же осталось в этой роскошной женщине от той чуткой и бескорыстной умницы, с которой он жил? Знакомые шептались о том, что Маше несказанно повезло с этим Матвеем. В ее-то возрасте да с таким приданым... Даже если

он не женится на ней и спустя год бросит, через суд запросто можно будет оттяпать столько, что хватит на безбедную старость. Совместное проживание.

«Она получила то, что внезапно стало и русской мечтой тоже... Как это случилось с нами? Слезинка ребенка больше не имеет значения?» Аркадий попытался закурить, но в руках еще сохранялась та сила напряжения, от которой трясло.

Швырнув пачку на пол, он раздавил ее ногой. Представилось бурое сыпучее месиво, образовавшееся внутри ее. Сейчас он и сам был похож на эту растерзанную пачку: тряхни посильнее, и все из него высыпется, осквернит дом...

Аркадий засмеялся: идиотское сравнение! И тут же еще раз посмотрел в окно – двор как двор. Здесь уместно смотрятся «Жигули» и «Москвичи». Она не должна была приезжать сюда. Не должна была приезжать вообще.

У него протяжно зануло сердце. Сейчас она уже в школе, с его сыновьями. Ее право называть их своими – формально она отказалась от него. Конечно, никто не может запретить ей этого, но... Аркадий бросился в свою комнату, рывком вытащил свитер и натянул поверх рубашки. Сменил джинсы, хотя очень торопился. Но появляться в школе в таком виде... Перед ней... Перед ним...

Не дожидаясь лифта, Аркадий сбежал по лестнице, и давно забытые прыжки через ступеньки всколыхнули в нем энергию его юности. Вот что притянуло ее в этом Матвее – кипучая радость от того, что просто живешь и впереди еще так много прекрасного. Когда же он сам перестал верить, будто впереди еще что-то есть? Наверное, в тот момент Маша и поняла: у них нет будущего.

Будущее и будни – созвучны лишь на словах, на деле же значение совершенно разное. Аркадий мог предложить ей только будни. Ему они нравились. Он считал себя счастливым человеком и был уверен, что Маша живет с тем же ощущением...

«Все опять уперлось в мешок с деньгами, – Аркадий быстро шагал к школе, перепрыгивая через невысокие гряды счищенного с дороги снега. – Он может подарить ей мир и целый ворох впечатлений, ведь у него есть для этого все средства. Откуда у него деньги? Еще молоко на губах не обсохло... Папаша хапнул где-то и поделился с малышом. Так это происходит? Я не знаю. Никогда не был на короткой ноге с богатыми людьми. И думал, что не буду. А теперь мы почти родня!»

Ему нужно было взбодриться, а для этого следовало разозлить себя. Но школа была слишком близко, Аркадий боялся, что ему не хватит времени. Ведь за последние три месяца он разучился жить в ненависти, которая и захватила-то его ненадолго. А в груди уже болело так нестерпимо, что становилось боязно: не дойти...

Он спрашивал себя, зачем вообще идет туда, если сам сказал Маше, где мальчики, тем самым устроив их свидание. Но что-то вело его, какой-то безумный страх, как будто Маша была способна выкрасть его детей, заманить их в свою безразмерную машину и увезти на край света, где Матвей уже приготовил тайное убежище. Впрочем, теперь он не мог сказать наверняка, на что она способна.

Аркадий на ходу взглянул на часы. Эти двое уже четверть часа как в школе. Если у них и впрямь был какой-то гнусный замысел, все уже случилось.

«Что ж я копался? – он побежал, неловко поскользываясь на укрытых снегом пятнах льда. – Надо было бросить все... штаны эти... и мчаться за ней следом. Зачем я вообще сказал ей, где они?!»

Красная стена школы уже вспыхнула впереди тревожным сигналом. Аркадий видел ее сотни раз, но сейчас сердце его словно провалилось. Ему вспомнилось, разглядеть он еще не мог, что на торце школы кто-то, пребывающий в мрачном расположении духа, написал по-английски: «Добро пожаловать в ад!»

Остановившись, потому что по ногам предательски растеклась слабость, он плотнул жгучего воздуха и сжал кулаки. Нужно было хотя бы дойти...

Глава 5

Стас услышал, как кто-то из одноклассников восхищенно протянул:

– Вау! Неслабая тачка!

Яростно пробившись к окну, он увидел именно то, что уже успел представить: его мать в незнакомой шубе и с непокрытой головой выбралась из джипа и пристально оглядела школьные окна, хотя был день и она не могла увидеть лиц тех, кто находился внутри. И все равно Стас отшатнулся и попятился.

Никто из ребят не узнал ее, ведь ей и раньше некогда было ходить в школу, а местное телевидение его друзья не смотрели. С учителями же она просто созванивалась, хотя знала, как злились на это некоторые из них. Но в школе установилось негласное правило: полезно иметь своего человека на телевидении. Поэтому братьев Кольцовых особо не трогали.

Стас никому не говорил, что случилось в их семье, ощущая противный стыд за женщину, которую еще полгода назад считал лучшей в мире. Теперь он предугадывал, как передернется от омерзения, если мать хотя бы вскользь коснется его. Он никогда не был «лизунчиком» вроде Мишки, но раньше ему не было противно, если она его обнимала.

Он выскочил из кабинета и бросился к актовому залу, где веселились средние классы. Но еще не добежав до двери, схватил знакомого мальчишку:

– Мишка там?

– Они в классе, – пацан независимо дернул плечом, освобождаясь. – На третьем.

«Я успею?» Расталкивая всех подряд, Стас помчался к лестнице и взлетел на два пролета. Ему чудилось, будто сзади уже нагоняет острый стук каблуков. Хотелось выгнуться, чтобы этот звук не вонзился в него... А еще больше хотелось крикнуть всем тем, кто ходил у него в приятелях: «Задержите ее! Подставьте подножку, встаньте «стенкой», что угодно!» Но добровольный обет молчания обручем стискивал его горло.

Рванув на себя белую дверь, Стас тут же увидел брата: Мишка забрался на парту и пытался снять красный шарик, привязанный к лампе. В конце кабинета мелькнула девчоночья фигура, и в другое время Стас ничего не сказал бы при ней, но сейчас было некогда.

– Мишка! – выдохнул он и, привалившись к стене, судорожно вобрал воздух, чтобы договорить. – Она приехала. Она уже здесь, в школе.

Карие, как у отца, глаза просияли радостью, которой Стас увидеть не ожидал. Нет, он подозревал ее в брате, но был слишком уверен в ее недопустимости...

Мишка энергично взмахнул кулаком:

– Да! Я знал, что она приедет!

Восторг взметнул его тело, заставил оторваться от стола, полететь вверх и вперед, чтобы приземлиться у самой двери – ближе к маме! Стас даже не сразу понял, что произошло. Отчего вдруг Мишка рухнул на пол и застыл, будто его сковало льдом. Воздух для него тоже будто смерзся, потому и не удавалось вдохнуть как следует.

«Выступ на потолке. Он ударился головой». Стаса придавило этой мыслью так, будто этот самый потолок опустился на него. Рука сама провела над макушкой...

– Больно, – выдавил Мишка глухим, пунктирным голосом. – Дышать...

То, как он очутился возле младшего брата, каким-то образом ускользнуло из внимания. Стас поймал себя на том, что пытается поднять его, но руки, как анархисты, действуют, не признавая власти мозга. Когда они машинально отдернулись, он подумал: «А вдруг...» И сердце зануло так, будто уже знало что-то, не доступное пока никому.

– Лежи, слышишь? – Стасу хотелось бы говорить спокойно и уверенно, но в горле мешался горячий комок. – Не шевелись. Я сейчас... Я «Скорую»... Да у тебя кровь на голове! Ты следи, чтоб никто к нему не приближался! – крикнул он девочке, уже ненавидя ее за этот

шарик, наверняка понадобившийся в виде украшения на потолке именно ей. Правда, и в эту секунду Стас помнил, что главная вина лежит вовсе не на этой девчонке...

Он толкнул дверь всем телом и едва не уткнулся в мать. Ее лицо вспыхнуло горячей радостью, напомнившей Мишкину, и Стас едва удержался, чтобы не загасить ее ладонью.

– Чего притащилась? – прошипел он, наступая на нее и вытесняя в коридор. – Из-за тебя все... Может, у него сотрясение... Или перелом...

Испуганная растерянность в синих глазах сменилась тревогой. Молча отодвинув старшего сына, Маша подбежала к младшему и, не жалея шубы, опустилась на колени.

– Маленький мой, что с тобой? Ты ударился?

– Упал, – Мишка по-прежнему выталкивал слова по одному. – Больно. Встать... не могу.

– Вызови «Скорую»! – крикнула она через плечо.

Стас огрызнулся:

– Сам знаю.

Но не тронулся с места, не решаясь оставить их вдвоем, хотя знал, что она не причинит Мишке зла. Не причинит? А что же тогда она уже сделала с ними?

Коротко рыкнув, он все же сорвался с места и, расталкивая всех подряд, домчался до учительской, где, не объясняясь с завучем, сорвал трубку телефона. Это было проще, чем попробовать мобильником поймать в школе связь.

Стас пытался говорить тихо, но ему казалось, что разговор слышит вся школа.

– ЧП! – лицо у завуча пошло пятнами. – Где их классный руководитель?

«Да пошла ты!» – про себя буркнул Стас и бегом пустился назад.

Мысль об отце, которому тоже следовало позвонить, настигла его на лестнице. К тому времени у него почти не осталось сил удерживаться на границе двух реальностей, в одной из которых происходили невозможные, страшные вещи, и он даже не удивился тому, что отец, о котором всего мгновение назад подумал, тотчас возник перед ним, как сказочный добрый молодец. Запыхавшийся добрый молодец, с не по-сказочному несчастными глазами.

– Как ты узнал? – вырвалось у Стаса.

Он упустил из внимания, что собирался скрывать ото всех все, связанное с их семьей, и громко выкрикнул эти слова.

– Да я сам ее сюда и направил, – отец отвел взгляд. – А потом покался...

– Ее? Да я не про нее. Тут... – он запнулся, внезапно сообразив, что отец, конечно же, ничего не знает. Откуда? И сейчас ему, Стасу, придется все рассказать... Но как?

У Аркадия вытянулось лицо:

– Что? Мишка?

– Он упал, – заученно повторил Стас. – Ему дышать больно. Может, просто от удара? Я на всякий случай вызвал «Скорую».

– Где он?

Стас почувствовал, как внутри отцовского тела все рванулось вперед и сжалось болью от того, что направление было еще не ясно. Схватив его за руку, чего не делал уже лет пять, Стас побежал наверх, ненавидя эти лестницы, которые приходилось преодолевать десятый раз за день.

Когда они ворвались в класс, Аркадий почти отшвырнул бывшую жену в сторону, и Стас задохнулся от злорадного удовольствия: «Так ей и надо!»

– Папа, – только и сказал Мишка.

– Тихо, заяц, лежи, пожалуйста, – голос Аркадия прозвучал именно так, как несколько минут назад хотелось говорить самому Стасу, чтобы брат не запаниковал. Мальчику не было слышно, как шумит у отца в ушах.

Между лопатками покалывало, но Стас боролся с собой и не оборачивался, иначе он не удержался бы и наговорил матери гадостей, которых больше чем достаточно накопилось за эти месяцы, и они так и рвались наружу. А это расстроило бы Мишку...

«Все из-за нее, – ненависть мешала ему дышать полной грудью, как брату – боль. – Мишка такой спокойный, он в жизни так не прыгнул бы, если б не она...»

За этими словами маячил темным упрек самому себе: «Не надо было сообщать ему, пока он стоял на парте...» Но Стас гнал эту мысль. Она была слишком невыносима...

– У вас есть школьный врач? – отрывисто спросил Аркадий, осматривая Мишкину голову. – Надо смазать рану зеленкой.

– У нас в машине аптечка, – откликнулась Маша.

Никто не ответил ей и не отошел, чтобы пропустить к выходу, и она стала пробираться между партами, неудобно скрючившись и согнув колени. Длинная шуба волочилась по грязному полу. Скосив глаза, Стас наблюдал за ней, неслышно усмехаясь. Ему было стыдно не за эту усмешку, а за ту непрошеную жалость, что толкалась в сердце. Разве предателей жалеют?

– Надо встретить «Скорую», – заметил Аркадий недовольным тоном, понимая, что отправляет сына следом за Машей.

– Ладно, – тускло отозвался Стас и, подавшись к отцу, тихо добавил: – Она все равно сейчас вернется сюда. Мишка, ты терпи, они уже едут.

Тот подал голос:

– А я уже дышу. Можно, я встану? У меня ничего не болит! Ну, правда!

– Давай все же дождемся врачей, – мягко предложил отец. – Они разберутся, можно тебе вставать или нет. Если даже недолго было больно дышать, это, знаешь, не очень-то хорошо. Тебя не тошнит?

В кабинет то и дело заскакивали то мальчишки, то учителя, в нелепых позах застывая на пороге, Аркадий же гнал всех с несвойственной ему непоколебимостью. У него мелькнула мысль, что, может, потом ему станет неловко, по крайней мере, перед взрослыми, но сейчас было не время для церемоний.

Когда вбежала Маша с автомобильной аптечкой в руках, а следом появился Матвей, он едва не крикнул и им тоже: «Уйдите отсюда! Закройте дверь».

– Я помогу, – быстро сказал Матвей, с ходу расшифровав его взгляд. – Я слегка медик. Учился один...

Аркадий прервал его:

– Мне не интересно. («Ребячество!») Открывайте зеленку, раз уж...

Прижав кусок ваты с изумрудным пятном к ране на голове мальчика, Аркадий прошептал, наклонившись почти вплотную:

– Потерпи, заяц, немножко пощиплет, ты знаешь. Но без этого не обойтись.

– Я думал, ты одна приехала, – вдруг сказал Мишка, глядя в ту сторону, где стояла мать. У Аркадия так и свело сердце: «Дурачок, он все еще надеялся...»

– Я буду с тобой, если это... серьезно. Если понадобится, – голос у Маши был таким, словно она никак не могла откашляться.

– Это не... – начал было Аркадий, но тут влетел Стас, похожий на задыхающегося гонца, примчавшегося с вестью об отряде неприятеля:

– Приехали! Идут!

– Разойдитесь, – приказал Аркадий и сам, поднявшись, заставил себя отойти от сына.

Он слушал вопросы тяжеловесной врачихи, руками которой впору было не лечить, а ломать, и старался обходить взглядом Машу, потому что, взглянув раз, понял, как ей больно. Так не сыграешь, хотя она и привыкла к камере. Когда прозвучали слова «подозрение на компрессионный перелом», они оба содрогнулись.

– Позвоночника? – почти не слыша себя, спросил Аркадий. – Вы хотите сказать, что у него перелом позвоночника?

– Отвезем его в больничный травмпункт, – прогудела врач, с интересом осматривая всех присутствующих. – Вы – отец? Можете поехать с нами. После рентгена все ясно станет. Если подтвердится, там его и оставят.

– А я? – выкрикнул Стас. – Мне можно?

Аркадий вскинул руку, одновременно запрещая это и отмахиваясь от врача, которая, конечно, ошибалась. Не могло это быть правдой...

– Ты иди домой, – запинаясь, сказал он сыну. – Я позвоню. Вдруг что-то понадобится... Я позвоню.

Маша решительно шагнула вперед, толкнув плечом Матвея. В ее лице просвечивала отчаянная одержимость приговоренной.

– Мы поедем следом. Стас, ты можешь с нами.

Метнув в нее разъяренный взгляд, Стас прошипел:

– Нет уж. Я лучше домой.

Повернувшись к нему, Аркадий шепнул:

– На всякий случай собери его бельишко. Щетку, пасту... Вдруг его положат? Книжек возьми. Не знаю, что еще. Поесть что-нибудь.

– Ты думаешь... – Стас громко глотнул.

Аркадий только дернул бровями, запрещая расспросы. Врач уже требовала, чтобы они с Матвеем спустились за носилками. Аркадия бросило в жар от унизительности этой ситуации, но других мужчин здесь не оказалось. Стасу было бы тяжело снести Мишку с третьего этажа. Но оставаться с матерью ему было не вмоготу, и он увязался за отцом.

Уже на лестнице Аркадий хмуро спросил:

– Как это произошло?

Не стесняясь Матвея, спускавшегося впереди, Стас бросил:

– Из-за нее все. Приперлась... Мишка сдуру обрадовался. Ты же понял, он решил, что она насовсем... Ну, и прыгнул с парты, чтобы к ней поскорее. А там выступ на потолке, он не заметил... Ударился головой и на пол рухнул. Все.

Аркадий подумал, глядя на желтоватую макушку Матвея, который ни разу не обернулся: «Он все слышит. Если он не полная скотина, ему сейчас должно быть хреново... Она могла полюбить полную скотину?»

Ответ он знал, но сейчас это и не утешало, и не злило. Сердило то, что эти люди, по сути уже чужие, непричастные к их жизни, отвлекают на себя его мысли, рассеивают боль, которая должна быть сосредоточена на ребенке. Ведь в ней тоже есть сила, есть энергия, значит, она способна помочь. Хоть чем-то...

Аркадий отлично знал, что такое компрессия, поэтому не слушал объяснений врача. К тому моменту он уже успел представить, как позвонок («Один? Или несколько?») сплющился во время удара головой. Позвоночник резко просел и...

Молча взявшись за носилки с двух сторон, они пошли обратно, Аркадий только крикнул сыну:

– Ступай прямо домой. Я позвоню.

Он тут же подумал, что это лишнее: Стас и не мог сейчас заняться чем-то, не имеющим отношения к брату. По лестнице Аркадий пошел впереди, руководя их действиями. Он смотрел на ступени, стертые детскими ногами, и с ужасом гнал мысль о том, что Мишка никогда здесь больше не пробежит... Нет! Этого быть не может.

Голос Матвея догнал его у второго этажа:

– Я чувствую себя убийцей...

«Так и есть, – холодно подумал Аркадий. – И не жди, что тебе отпустят грехи». Его молчание говорило само за себя, но Матвей не уговорился:

– Вы можете во всем рассчитывать на меня. Машина, деньги, грубая мужская сила... Легко!

Последнее словечко впилося, как удар хлыста. Резко остановившись на подъеме, Аркадий обернулся, стараясь не замечать того, как все трясется вокруг рта:

– Слушай, ты! Для меня ты – дерьмо собачье, и больше никто! Убийца. Вор. Все в одном лице. Неужели ты думаешь, что я попрошу у тебя помощи?

«Но он уже мне помогает!» – это заставило его передернуться, и Аркадий едва не заскрипел зубами. Нужно было запрятать Стаса, позвать еще кого-то из школьников, только не допускать к носилкам этого... Боль как бы сняла запрет на грубость, от которой Аркадий удерживался все эти месяцы, и он убедился, что брошенными словами пробил броню этого «легко!». У него мелькнуло сомнение в том, честно ли это с его стороны, ведь в такой ситуации Матвей не мог дать сдачи. Но следом Аркадий сообразил: тот первым нанес удар... Сейчас просто получает по заслугам.

Дернув носилки, он стал быстро подниматься, уверенный, что Матвей замолчал, если не навсегда, то надолго, но тот опять проявил себя:

– Вы же сами когда-то влюбились в нее. Уж вам ли не понять...

– Вот это да! – вырвалось у Аркадия. Не останавливаясь, он оглянулся через плечо. – Как это можно сравнивать? Она была свободна и...

– А вы сразу проверили паспорт? Когда я увидел ее, тоже не знал, замужем она или нет.

– И вспыхнула непобедимая страсть! – Аркадий пытался насмешничать, хотя больше всего ему хотелось толкнуть носилки, чтобы этот юный красавец слетел с лестницы и тоже сломал себе что-нибудь.

Несколько вопросительным тоном Матвей процитировал:

– «Любовь выскочила перед нами, как из-под земли выскакивает убийца в переулке, и поразила нас сразу обоих!»

– Булгакова теперь декламируют, как «Идет бычок, качается...». Затаскали... Мне даже жаль его. Все, пришли. Разговор окончен.

Положив под голову сына полу своей шубы, Маша опять стояла возле него на коленях, и эта поза, молящая о прощении, вызвала у Аркадия очередной приступ ярости. Как она смела просить о чем-то ребенка, столько пострадавшего из-за нее?! Ему стало не по себе оттого, что она сжимает Мишкину руку, а тот не протестует.

– Отойди, – сказал Аркадий сквозь зубы. – Не мешай.

Никому не позволив до него дотронуться, он сам переложил мальчика на носилки. Матвей молча взялся с другой стороны, и они пошли напролом через столпившихся школьников, с одинаково любопытными и делано сочувственными лицами. Незнакомая Аркадию женщина, должно быть директор, пристроившись с ним рядом, жалобно лепетала о том, что мальчик сам виноват и невозможно уследить за всеми, классная руководительница была в зале с остальными детьми, зачем он ото всех отделился? Аркадий подумал: слава богу, что руки заняты, не то он не справился бы с искушением оттолкнуть ее, как незадолго до этого хотелось поступить с Матвеем.

Свернув на лестницу, где ей уже было не протиснуться, он с усилием поднял руки, чтобы Мишкина голова не оказалась внизу. Нести по-другому Аркадий отказался сразу же.

На улице он заторопился: «Не простудился бы!», и крикнул Матвею:

– Быстрей.

В голову лезли мысли, казавшиеся сейчас посторонними: о Мишкиной куртке, которую надо забрать из гардероба, чтобы не потерялась, о номерке, наверное, спрятанном в кармане, о пакете со сменной обувью... Аркадий чуть не ежился: «Как я могу сейчас думать об этом?»

– Я поеду с тобой, – он улыбнулся сыну, когда носилки устроили в машине.

– Пап, это не перелом, вот увидишь, у меня же не болит ничего, – умоляюще проговорил Мишка. Ему было страшно подумать, что отец тоже винит его, ведь он и в самом деле виноват.

Усевшись рядом, Аркадий взял его теплую, совсем здоровую руку:

– Будем надеяться, что нет. Но даже если... Ты ведь взрослый парень, правда? Ты справишься.

И подумал с тоской: «Какая чушь! Как он может справиться с этим? Маленький...»

Глава 6

Теперь нужно было как-то сжиться с этими холодными словами «компрессионный перелом». Мишка запомнил их сразу, хотя, в отличие от отца, еще не знал, что такое компрессия. Но он всегда жадно впитывал новое и откладывал в памяти даже незнакомое, чтобы потом посмотреть в энциклопедическом словаре. Интернету отец его учил не доверять...

Правда, в этот раз словарь не понадобился, потому что доктор в травмпункте все подробно объяснил. И еще сказал вещь настолько страшную, что у Мишки все свело в животе: нужно будет целый месяц лежать в больнице, не вставая и даже не садясь в постели. Лежать и лежать на твердом щите... Он взглянул на потолок, чтобы ни с кем не встречаться взглядом, и задержал дыхание, пытаясь справиться с тем, как предательски зацепало в носу: смотреть на него целых тридцать дней...

– Ты одни только несчастья приносишь!

Сперва Мишка подумал, что отец сказал это ему, и весь съежился от чувства вины, которое на этот раз было ледяным и пробивало насквозь. Когда он понял, что эти слова предназначались матери, то тоже не испытал облегчения – так глубоко проник холод. Если б Мишка не онемел от него, то сказал бы, как отец несправедлив, ведь мама столько лет приносила им счастье. Зачем же говорить так, будто ничего хорошего совсем не было?

– Она же и тебя бросила, – как-то упрекнул его Стас. – На мужика променяла... Хоть бы он ее тоже бросил, чтобы она узнала!

Украдкой Мишка уже рассмотрел Матвея и пожалел, что ему это удалось, ведь раньше этот человек был абстрактным «мужиком», и воображение могло изгаляться над ним как угодно. А теперь уже никуда не денешься оттого, что у Матвея такие забавные, желтоватые волосы, и немного странные зеленые глаза, такие обычно ведьмам рисуют, и стрижка, словно у какого-нибудь певца, и улыбка, от которой тоже тянет улыбнуться.

Мишка старался не смотреть ему в глаза, чтобы Матвей не проник еще глубже. Туда, где теперь никому не должно было найтись места, кроме папы и брата. Ни тому, ни другому не нужно было знать, что там, рядом с ними, еще и мама...

Она хотела остаться с ним в палате, но отец отослал ее за вещами, которые Стас уже должен был собрать. Не стесняясь бывшего мужа, Маша несколько раз поцеловала Мишкину ладошку, и он едва не расплакался от страха: значит, у него и впрямь совсем плохи дела, если она позволила себе такое при других мальчишках. Двое из них были, как и он, «позвоночные», а остальные щеголяли гипсом на руках и ногах. Один из тех, кого тоже приговорили к месяцу неподвижности, все время садился на кровати, и Мишке было слышно, как медсестра посулила ему большущий горб.

– Я не буду вставать, – ужаснувшись, шепнул Мишка отцу. – Буду лежать, даже не пошевелюсь. Только... забери меня домой! Я правда-правда буду лежать!

Глаза жгло все сильнее, ведь они уже видели, как отец тоже уходит, и Мишка на целую вечность остается один на жестком щите. И уснет один, и проснется, и никто не поможет достать «утку» из-под кровати, нянечек не докричишься, об этом мальчишки уже предупредили. И как вообще справляться с этой дурацкой «уткой»?!

Отец заговорил таким мягким голосом, от которого глаза стало жечь уже совсем нестерпимо:

– Тебя же здесь лечить будут, глупыш. Доктор сказал: и лазерная терапия будет, и физио, и массаж... Ну, массажистку я мог бы нанять, а остальное? Надо вылечиться, заяц, чтобы всю жизнь со спиной не мучиться. Сравни: всего месяц или целая жизнь?

– А ты не можешь остаться со мной? – Мишка шептал совсем тихо, чтобы никто в палате не услышал. – Вдруг у них есть лишние кровати? Хотя ты... Тебе работать нужно, да? А может, тогда мама?

– Нет! – отрезал Аркадий, потом спохватился и заговорил прежним тоном: – Ты ведь большой парень, только с малышами мамам разрешают лежать вместе. Такой закон.

– Дурацкий закон! Кто его придумал? – в горле кипели злые слезы, и Мишка судорожно глотал их, понимая, что отец все замечает.

– Не знаю. У этого человека, наверное, не было своих детей.

– Тебя сейчас уже выгонят? Они говорят: тихий час.

– Не выгонят, а попросят уйти. Думаешь, тут злодеи какие-то? Вечером еще пускают, я приду.

Мишка сразу оживился:

– Ладно! А Стас придет?

– От него тебе тоже не удастся отдохнуть. Что тебе принести? Что-нибудь из игрушек?

Пугливо скосив глаза, мальчик зашептал:

– Ну что ты, пап, они же засмеют! Скажут: вот деточка, все еще в игрушечки играет!

– Но ты ведь играешь! Чего тут стесняться?

– Нет, пап, не надо. Они... Они сломают все.

Аркадий нашелся:

– Тогда мы с тобой в «Морской бой» сыграем, когда я приду. Пойдет?

Несмотря на то что отец еще был тут, Мишка уже затосковал по тому времени, когда тот вернется с листочками и карандашами и они сразятся на равных, не волнуясь о том, что папе нужно работать, а ему – делать уроки. Его фантазия уже рисовала отрывистыми мазками вскипающие серые волны, черный и белый глянец больших крейсеров, неустойчивую верткость шлюпок...

Мишке никогда не хотелось стать моряком, но нравилось читать о море, которого он никогда не видел вживую. И даже когда лечащий врач, сухощавый и седой, больше похожий на полковника в отставке, обмолвился о том, что после выписки надо будет плавать, чтобы укреплять мышцы спины, сразу представилась настоящая, бескрайняя вода, не рассеченная пенопластовыми линиями и не скованная прямыми бортиками.

А следом Мишка вспомнил, что о море не может быть и речи, ведь это стоит «сумасшедших денег», как говорил отец. Мальчик еще размышлял над тем, что это сумасшествие, видимо, заразно, если люди, гоняющиеся за такими деньгами, тоже теряют разум...

Однажды Мишка услышал, как соседки то же самое говорили о его маме, и сегодня, в тот момент, когда наконец сумел продохнуть, он всмотрелся в ее лицо со страхом. Но признаков безумия, как он их себе представлял, заметно не было. Ни блуждающего взгляда, ни отвисшей челюсти... Она была все такая же красивая, только очень испуганная и с виновным видом.

Когда она вернулась с целым пакетом вещей, будто Мишка собирался вести в больнице светскую жизнь, Аркадий подавил естественное желание уступить ей место возле сына. Маша протиснулась между соседней кроватью и напрягшимися коленями Аркадия и возле тумбочки присела на корточках.

– Она открывается наоборот, – сказал Мишка о тумбочке. – И как из нее вещи доставать?

– В нашей медицине многое наоборот.

В голосе отца больше не было мягкости. Он не был ни холодным, ни злым, скорее, неприятным, как пенопласт. Маша посмотрела на него снизу вверх.

– Скажи мне, прошу тебя, может, надо за что-нибудь заплатить? Разрешите мне!

Он заставил себя признаться:

– За лазерную терапию надо... Если, конечно, у тебя есть с собой наличные. Я потом верну, само собой. И еще... Десять сеансов массажа делают бесплатно. А если мы хотим еще десять...

– Хотим! Я сейчас, – она легко поднялась и улыбнулась сыну. – Я еще вернусь!

Но ее пустили только на минутку – проститься, потому что тихий час был в разгаре, а взрослые якобы мешали детям спать, хотя Мишке сразу стало ясно – спать никто и не собирается. Он вцепился было в горячую отцовскую руку, но тут же разжал пальцы и сурово сказал:

– Ты не беспокойся, я не буду хныкать. И домой проситься больше не буду. Я отлежу здесь сколько надо.

– Ты у меня совсем взрослый парень, – серьезно отозвался отец, понизив голос. – Я знаю, что ты выдержишь.

Когда родители уходили, вновь вместе, будто и не расставались, при этом то и дело оглядываясь на него, Мишка подумал: они, наверное, догадываются, как у него что-то словно разрывается и болит в груди. И оттого у них сейчас такие одинаковые, хоть и разные по цвету глаза. Мишке хотелось усмехнуться над тем, что вот у них опять нашлось нечто общее, но губы уже стали непослушными, и он даже пытаться не стал. Только сжал их поплотнее.

Он вдруг обнаружил: все в палате и в самом деле затихли. Может, потому, что грубоватая медсестра, которую все звали «лупоглазой», включив в коридоре кварц, распахнула дверь и велела им набросить на «мордахи» полотенца. Иногда Мишка приоткрывал глаза, любуясь голубоватым светом, проникающим под ткань. И слушал, как по больничным коридорам прогуливается эхо. Оно было совсем не похоже на то, которое на днях они слушали с папой, когда в первый раз выбрались на лыжную прогулку. Мишка увидел этот день так отчетливо, будто в память впечатался цветной снимок. И ему стало еще горше, чем было до сих пор, ведь такое уже не могло повториться. По крайней мере, не в этом году...

Он весь был хрустящий и ослепительный, этот день, хотя мороз был не сильным, иначе отец не взял бы его с собой. За их домом на окраине открывались дали, от шири и глубины которых захватывало дух. И перелески – недвижимые, похожие на тонкую цветную гравюру. И холмы, и золотистые по осени поля... Когда-то мама говорила: «На это можно смотреть часами...» Только у нее никогда не выдавалось этих часов...

Просто смотреть Мишке, пожалуй, наскучило бы, а вот пробежаться наперегонки со Стасом по свежему, искристому снегу на лыжах... Он старался изо всех сил, и у него неплохо получалось, если только они хвалили его не из жалости, как самого маленького. Но Мишка верил им, ведь сам чувствовал, как слаженно работают руки, и лыжи не проскальзывают, отчего обычно выбиваешься из сил. На нем была легкая куртка и тоненькая спортивная шапочка с модной «косичкой» на макушке, но все равно довольно быстро стало жарко. Его переполняла радость оттого, что они все вместе и папа совсем не «замороженный», как сказал о нем Стас после того, как мама... В этот день у отца весело светились глаза, и от этого Мишке хотелось смеяться и болтать глупости.

Все вокруг вызывало восторг: и то, что березы будто обернулись фольгой, и острые гребни снежных волн, и солнечная прозрачность воздуха. Незнакомые мальчишки на грохочущих кусках фанеры скатывались с выстроенных природой горок и что-то орали друг другу. А Мишка испытал жаркий прилив гордости за то, что не барахтается в снегу, как маленький, а идет на лыжах вместе со взрослыми. Ведь издали Стас выглядел совсем большим...

Они прошли поверху крутого склона, приглядывая, где лучше спуститься. Мишка заметил, что кроны деревьев внизу похожи на паутину, сплетенную из снежной нити. Ему представился гигантский, неугомонный паук, который сновал в низине и опутывал деревья до тех пор, пока его собственный глаз не застывал в восхищении от увиденного.

Небо над ними пыталось соперничать по красоте с землей, и хотя было лишено ее разноликости, все равно заставляло вдохнуть поглубже, чтобы восхищение вошло и осталось в

груди светящимся комочком. Он может согреть, если опять вспомнится: глаза у мамы такого же цвета... Мишка отогнал мысль о том, что, наверное, это она следит за ними издалека, и от радости, как у них все хорошо, это небо так и сияет.

А потом он помчался с горы вслед за папой, который, правда, упал вниз, но махнул им рукой: давайте сюда! Потом выяснилось, что отец пытался предупредить, что там опасно, и потому махал, но Мишка уже успел слететь вниз, задохнувшись от восторга и пронзительного страха, и провалиться в какую-то яму, а очнуться уже по уши в снегу. Он сразу вскочил, чтобы отец не подумал, будто ему больно или он напуган, и радостно выкрикнул:

– Ну что, поехали?

– Куда поехали? – отец ткнул палкой в его сломанную лыжу. – Похоже, мы свое откатали.

Но никто не ругал Мишку, и это было естественным продолжением такого чудного дня, в котором были еще и прихваченные морозом ягоды рябины, терпко-горьковатые на вкус, заставляющие морщиться; и сумятица звериных следов, которые они вместе пытались распутать; и эхо, отзывавшееся на их голоса...

Больничное эхо было жалким подобием того, что обитало на природе. Мишка с силой зажмурился: слушать этот звук целый месяц... И дышать этим спертым воздухом – трое лежащих в одной палате. Не видеть своих игрушек. И все время лежать и лежать...

Глава 7

Раньше он думал, что самое мучительное время суток – это ночь, когда никаким делом не отгородишься от своих страхов, сожалений, воспоминаний. Теперь выяснилось, что ни одна из проведенных в одиночестве ночей не может сравниться в невыносимой тоскливости с теми солнечными утренними часами рождественских каникул, которые с его сыном проводила Маша. А ему самому приходилось сидеть в лаборатории, пригвожденному к рабочему столу несокрушимыми словами «срочный заказ».

Аркадий не мог позволить себе забыть, что от его головы зависят все ребята, проработавшие с ним десяток, а то и больше лет, поэтому выжимал из нее все возможное. Но мысли о сыне, которого по утрам приходилось доверять Маше, без труда пробивали брешь в любой из его стройных теорий. Тонкая, с выступающей на запястье косточкой и длинными пальцами рука мальчика виделась ему зажатой в Машиных ладонях... Ее губы вжимались в его трогательно пухлую щеку – чем потом свести этот след? Ее истории, которые не дано услышать Аркадию, оседают в памяти ребенка, едва заметно и вместе с тем навсегда меняя его...

«Что я делаю? Зачем я на это пошел? – Аркадий ломал одну шариковую ручку за другой, но никак не мог с собой справиться. – Как потом ее вытравить из его сердца? Гнать надо было сразу... По утрам мог бы дежурить Стас... Ничего, проснулся бы, несмотря на то, что каникулы. Как, в какой момент ей удалось уломать меня?»

И вспомнил: в новогоднюю ночь. Казалось безнадежным уговорить врачей пустить его в палату на ночь, и Аркадий уже готов был сдаться. Тем более с ним не было даже Стаса, его пригласили встречать праздник в компании друзей, и отец отпустил, даже настоял, чтобы хоть у одного из них получилось как следует встретить Новый год. Тогда и возник этот Матвей со своей туго набитой мошной, и все неправдоподобно быстро уладилось. Стиснув зубы, Аркадий позволил ему притащить крошечную елочку – мрачный дежурный врач разрешил при условии, что к утру и духу ее здесь не будет.

«Только ради Мишки», – убеждал себя Аркадий, но не мог отделаться от ощущения, что его, веселясь, унижают на глазах у ребенка, а он это допускает.

То, что он совсем не знает Матвея («А откуда?»), стало ясно уже через полчаса. Аркадий и раньше встречал людей, которым жизненно необходимо было блистать везде, в любой компании, даже почти незнакомой, но Матвей напоминал безумный фейерверк. Установив елку, он исчез, предоставив им наряжать ее тем, что попадет под руку, и Аркадий уже с облегчением решил: у этого парня хватило такта избавить их от своего общества. Но не тут-то было!

Не успели они с Машей, не встречаясь взглядами и разговаривая только с сияющим от счастья Мишкой, нарядить елочку фантиками от конфет, авторучками и флакончиками, как Матвей явился вновь. Аркадий разве что рот не раскрыл, увидев его в костюме пирата и в косматом парике цвета хвоста гнедой лошади, поверх которого пламенела бандана. Глаз у него был перевязан черной тряпкой.

– Здорово, салаги! – прорычал он не своим голосом, и мальчишки, как детсадовцы, завизжали от восторга.

Матвей грозно прикрикнул:

– Цыц! Отставить писк! Я набираю команду морских волков, а не новорожденных кутят. Кто не сачканет отправится со мной за настоящими новогодними сокровищами?

«Ходячие» тотчас вскочили с коек, и Аркадий успел заметить, как на Мишкином лице, похожая на театр теней, разыгралась драма отчаяния. Но в этот момент пират рявкнул:

– Лежать! Тот, кто оторвет задницу от своей кровати, отправляется на берег. И держитесь покрепче!

Аркадию пришлось отвернуться, чтобы не видеть, как счастливо прыснул его сын на «неприличном» слове... Как просияли Машины глаза: «Ты видишь? Ты понял? Как можно не влюбиться в него?!»

«Да ведь мы сами придумывали такие же корабли! Мы с тобой, – ему захотелось потряхнуть ее хорошенько, чтобы очнулась. – И сокровища у нас были не хуже, чем у него. Мы были счастливы... Наверное, просто слишком привыкли к своему счастью».

Он ничего не сказал ей, успев понять, что она попросту не расслышит, ведь Маша верила в волны, расходившиеся от пиратского корвета, а они так шумели...

Теребя елку, Аркадий прислушивался к тому, как ребята громким шепотом (так приказал пират!) то разгадывают ребусы, накаляканные им на листочках, то распевают морские песни. Когда они ломали голову, вспоминая, как же настоящие моряки называют кухню и туалет, Аркадий все вспомнил первым, но не стал вступать в игру Матвея. Тот раз или два вопросительно на него взглянул, но трогать все же не стал.

– Он ведь телевизионщик, – сказала Маша вполголоса, пытаясь поддержать бывшего мужа. Но эта попытка рационально объяснить происхождение волшебства только вызвала у него раздражение.

– Меня это не интересует, – огрызнулся Аркадий и тут же вспомнил, что произносил эти слова всякий раз, когда разговор заходил о Матвее. Из этого как бы само собой выходило, что Матвей интересует его болезненно, нестерпимо. Ведь нужно было понять, какой мир перетянул к себе Машу...

Труднее всего оказалось принять тот огонек, похожий на язычок свечи, который сейчас светился в Мишкиных глазах. Следовало бы радоваться, что в сыне снова заиграл праздник, который обычно возникал и без привязки к каким-то особым датам, вот только в последнее время все реже. Но Аркадию не удавалось смириться с тем, что не он устроил все это действо. Конечно, он был оглушен всем случившимся сегодня, и вряд ли в Мишкиной душе может взреть тот же упрек, но разве трудно было соорудить пиратский костюм и нарисовать морскую карту? Во всем этом не было ничего нового... Почему же он не додумался до этого?

«Может, она тоже ждала, когда я наконец подарю ей веселье и радость жизни? Все ждала и ждала... И поняла, что может не дожидаться... А тут подвернулся настоящий Ходячий Праздник!» Все в Аркадии сжималось сильнее и сильнее от мысли: ведь и Мишка сейчас сравнивает его с этим Матвеем, пока, конечно, подсознательно, только где уверенность, что детская привязанность к отцу перевесит восторг перед яркими красками волшебства?

Почему-то думалось лишь о привязанности, будто Машино присутствие обескровило само понятие любви, и это не нравилось Аркадию. Он твердил про себя, что сыновья сами выбрали его, а это что-нибудь да значит! Если только... Если это был не обычный детский страх перед неизвестным и пока незнакомым отчимом. Вот теперь, когда Мишка увидел этого самого «добряка» своими глазами... Что теперь?

Тем временем сокровища были найдены и поделены поровну. Заваленный целой горой конфет и шоколадными яйцами с сюрпризами внутри, Мишка выглядел умиротворенным и полностью принявшим свое положение, в котором тоже, как выяснилось, есть плюсы.

Аркадию тотчас увиделось, как десять лет назад они с Машей подложили в кроватку спящему сыну подарок от Деда Мороза. А утром их разбудило таинственное шуршание. На цыпочках они подобрались к детской и заглянули в приоткрытую дверь – одна голова сверху, другая чуть ниже. Мишка сидел с полным ртом конфет, весь облепленный фантиками, а в пушистых волосах у него залипла ириска. Они хохотали так, что сразу поверилось: год пройдет замечательно!

Так и прошло много лет, вплоть до этого, уже уходящего года...

Когда Матвей, переодевшись в привычную одежду, вернулся, Аркадий заставил себя сказать:

– Спасибо. Было очень весело.

– Только не вам, – быстро ответил тот и улыбнулся, давая понять, что не обижается.

– Мне как-то не до игр сейчас...

– Почему? – с жестоким простодушием ребенка удивился Матвей. – То, что случилось, уже случилось! Теперь надо, чтоб Мишка продержался. Обремененный тоской, он быстрее не поправится.

Аркадий холодно посоветовал:

– Не надо учить меня, как обращаться с детьми. У вас есть свои?

Скосив глаза на Машу, уже устроившуюся рядом с жующим сладости сыном, Матвей шепнул:

– Вроде бы нет.

– Сейчас модно говорить: как бы. Как бы нет детей, так чего о них думать?

– Может, мне уйти? – спокойно предложил Матвей. – Я уже выложил все, что придумал. Если мое присутствие бесит вас так, как мне кажется... Я и в машине могу новогоднюю ночь провести. Легко! У меня есть радио и сигареты, это не мало, правда?

– Да вы – оптимист.

– Точно! Это плохо? – он склонил голову, и светлые волосы образовали завесу. – Мне нравится жить. Это весело. И увлекательно.

Аркадию стал надоедать этот разговор.

– Возможно, – произнес он отрывисто. – В вашем мире.

– В каком это – моем? Мир един. И достаточно прост, если не усложнять его. В нем все принадлежит каждому, нужно только не бояться взять это.

«Философия фашизма», – подумал Аркадий, но не высказал этого вслух, не желая довести дело до драки. Маша и так уже оглядывалась на них с беспокойством, и он все время пытался закончить этот глупый спор, но почему-то непроизвольно его продолжал.

– Этот мир можно моделировать, – не унимался Матвей. Ему, видно, нравилась эта тема. – Пелевин прав, когда говорит, что делает в романе хороший финал, чтобы привнести в жизнь позитив.

Аркадий не заметил, как его лоб пошел складками:

– Мир моделируется Пелевиным?!

– Да любим из нас, если в нем достаточно энергии! Я, между прочим, по специальности организатор досуга...

– Тоже один курс закончили?

– Нет, все! – Матвей беззлобно рассмеялся. – По большому счету, это очень точное название. Я и сейчас организую досуг, только на другом уровне.

– Телевизионный уровень, конечно, кажется вам более высоким?

– А то нет! Телевидение сейчас единственное, что интересует абсолютно всех. Одних – ток-шоу уровня амёб, других – канал «Культура». Но все это телевидение! В провинции оно вообще – монополист интересов. Здесь не читают книги в транспорте, и дома, по-моему, тоже. И в кино не ходят, потому что мороз собачий большую часть года. А у себя на диване – совсем другое дело! Я не говорю, что это хорошо, – вскинув руки, предупредил Матвей. – Но так обстоят дела. И благодаря этому я могу войти в дом к любому. К каждому. Легко! Машу ввести. Ну, не все, конечно, смотрят региональное телевидение, это я преувеличил, но все-таки...

Аркадий устало ответил:

– Я почти не смотрю телевизор.

У него возникло неприятное ощущение, будто он – ребенок, разговаривающий со взрослым человеком, занимающимся важным делом. А он пытается выдать себя за большого и потому говорит серьезным тоном и делает умное лицо. Но вся его хитрость шита белыми нитками...

Не услышав его, Матвей озабоченно проговорил:

– Надо принести Мишке маленький телевизор. А то ведь тут одуреешь от скуки.

– Не надо! – резко сказал Аркадий.

– Почему? Ночной канал им не разрешат смотреть. Вы же сами видели, здесь просто копы, а не медсестры!

– Не в этом дело, – Аркадий лихорадочно соображал: «А в чем? В чем?» И нашелся: – Мальчишки начнут лезть, переключать каналы, а Мишка очень переживает за чужие вещи. Он только изведется с вашим телевизором.

Но Матвей и не думал сдаваться:

– Тогда, может, перевести его в одноместную палату? Здесь есть такие?

Аркадий сказал наобум:

– Нет. А если б и была... Тут хоть рядом с ним есть «ходячие», если что нянечку позовут, а там ему и не поможет никто.

Тогда Аркадий даже не подозревал о том, чем сын поделился с ним через пару дней.

– Я посплю, пока ты здесь, ладно? – попросил Мишка, тараща осоловелые глаза. – А то я жду-жду, пока все уснут, и никак не высыпаюсь.

– А зачем ждешь? – не понял Аркадий.

Сын посмотрел на него с упреком:

– Ну, пап... Знаешь, тут как: кто первым уснет, тому по губам водят... Ну, понимаешь чем!

Его так и бросило в жар:

– Кто?! Да я его кастрирую, паршивца!

– Да все, – со смиренным безразличием отозвался Мишка. – Кто угодно может. Даже из других палат заходят. Ты же всех не кастрируешь...

«Какие-то тюремные порядки! – сын уже тихо дремал, а он все еще не мог успокоиться и с отвращением вглядывался в лица окружающих. – Откуда они родом – эти дети? В новогоднюю ночь играли, и все были просто пацанами, а потом... Мои мальчишки и не сталкивались с таким. Для Мишки этот месяц – испытание по всем статьям».

Он смотрел на казавшееся во сне младенческим лицо своего мальчика, которому за что-то было послано свыше это время страданий. Его нельзя было сократить, чтоб избежать хотя бы части испытаний, нужно было все изведать сполна. И его сын был готов к этому: «Пап, я настроился на месяц. Я выдержу!»

У Аркадия то и дело спазмом перехватывало дыхание: «Родной ты мой, мальчишка мой! Как хорошо все было накануне того дня... Зачем ты так обрадовался ей, мой не таящий ни на кого зла детенок? Разве тебе не хватало моего тепла? Разве мы не играли по вечерам в шахматы и не катались на лыжах? Ведь все было здорово, просто замечательно! А ты, только услышав о ней, возликовал так, что почувствовал за спиной крылья. Она заставила тебя поверить в эту иллюзию и опять обманула. Ты рухнул вниз, как Икар... Получается, тебе еще повезло в сравнении с ним. Но как оно мрачно – это везение...»

Глава 8

Ее жизнь стала словно казенной: гостиница – больница. Своего дома не было. Сны возвращали Машу в ту квартиру, где она жила со своей семьей, а не в их с Матвеем дом. Хотя он был красивым, теплым, весь в деревянных прожилках, отчего казалось, что он живой и эти прожилки – его сосуды, просвечивающие сквозь кожу. Тонкую, как у ребенка. Она тосковала: этот дом действительно мог стать живым, если б в нем появились дети. Ее дети.

Матвей о ребенке даже не заговаривал, и она стала подозревать, что он отчасти разделяет всеобщее заблуждение насчет ее маниакальной страсти к карьере. Убедить его в обратном Маша не торопилась. Она боялась напугать его до смерти той силой любви к нему, о которой знала только она.

Эти чувства тоже были замешены на страхе. Клейкими нитями он опутывал то, что росло в ней, и мешал вырваться на свет, полностью затопив его той нежностью, от которой временами становилось трудно дышать. Испуг родился в первую же минуту их встречи, как тень от той неожиданной улыбки Матвея: а если он подойдет, о чем говорить? Маша считалась на своем телевидении лучшим интервьюером, но до сих пор ей приходилось вызывать на разговор людей, которые не были для нее жизненно важны. С Матвеем они еще не познакомились, а она уже боялась, что не удержит его, если нить беседы окажется ненадежной, не заинтересует тем, какой она являлась.

Даже то, что Матвей остался тогда рядом на весь день, не убедило ее в его симпатии. Сначала он с необъяснимой робостью, хотя командовал всеми, поглядывал на нее исподлобья, но не заговаривал. Потом, кивнув на экран, отрывисто спросил: «Как вам?» Она ответила. Они вместе отсматривали программы, вместе обедали, обсуждали и спорили, но каждую секунду Маша ждала, что сейчас он скажет со свойственной ему легкостью: «Ну, мне пора! Приятно было познакомиться». Теперь выдавались минуты, когда она жалела, что Матвей так тогда не поступил. В тот день у нее еще хватило бы сил расстаться с ним.

Он смешил ее. В памяти сохранились те мгновения, когда она смеялась сутки напролет, даже оказавшись с Матвеем в постели, чего никак от себя не ожидала. Наверное, это была в большей степени истерика, слишком уж напряжены были нервы – до боли, и в каждом из них звенело паническое: «Что я делаю?! Зачем мне это?»

Это действительно было ни к чему. Еще накануне знакомства с Матвеем Маша была убеждена, что совершенно непозволительно счастлива вместе со своим супругом и сыновьями. Конечно, это счастье стало привычным, будничным, но тут ничего не поделаешь. Так всегда и у всех.

И все-таки именно это было настоящим волшебством – ощущение гармонии. Не холодной и правильной, выстроенной разумом, а теплой, изменчивой («Иногда же ссорились!»), созданной душевной энергией всех четверых членов семьи. С Матвеем ничего этого не было. Один только страх. Почти животный ужас, что он вдруг исчезнет из ее жизни.

Может, предчувствуя все будущие сомнения, Маша так сопротивлялась вспыхнувшим чувствам. Она избегала встреч, просила его не приходиться (но для Матвея в любом телецентре были открыты двери!), и двадцать раз на дню сообщала о своем возрасте и двоих сыновьях.

Она всеми силами не давала себя приручить, но так или иначе это случилось. Первый мгновенный страх вошел и растворился в ее крови, стал частью ее существа, уже не самостоятельного, как раньше, а зависимого и уязвимого. Совсем недавно Маше показалось бы надуманным то, что сейчас творилось в ее сердце. Как это оно может разрываться на части? А в те первые дни обмана приходилось стискивать зубы, лишь бы не застонать, настолько было невмоготу. Но еще нестерпимей мучило осознание того, что она могла лишиться своих детей.

Мужу пришлось наплести что-то насчет грандиозного будущего, которое Матвей мог ей обеспечить. Это Аркадию было легче перенести, успокоившись презрением к ней. Следом Маша провела себя через Чистилище – объяснение с сыновьями, и тут же поняла: счастья ей уже не видать. Для этого необходимо забыть глаза детей в тот момент, когда она рассказала им о своем решении. Как такое можно стереть из памяти?

Она почти ненавидела Матвея, когда остановилась на пороге своей квартиры, опустив тяжелую спортивную сумку с вещами. Ее неподдельно трясло: «Куда я ухожу? Я с ума сошла?!» И это действительно походило на безумие, на одержимость человеком, не пожалевшим ее жизни. Зачем она понадобилась ему?! Сыновья даже не вышли проститься с ней. Дверь закрыл Аркадий, и резкий щелчок замка прозвучал как выстрел, который невозможно забрать назад. Он никогда ей не откроет...

Маша помнила, как села в машину, стоявшую у подъезда, посмотрела на Матвея и не почувствовала ничего. Рядом сидел чужой, ничего не значащий для нее человек. Был момент, когда она хотела его так, что готова была бежать за его джипом по бездорожью, но вот Матвей принадлежит ей, по крайней мере, уверял, будто его душа и тело полностью в ее власти, тем временем ее собственная душа никак на это не откликалась.

Ее взгляд остекленел, Маша и сама ощутила это. Где-то внутри отстраненно родилось и тут же угасло удивление: «Почему только мужчин обвиняют в том, что они охладевают к объекту страсти, добившись своего? Вот же оно...»

Почему же она все-таки уехала с ним тогда, хотя ничто не предвещало возрождения этой теплой любовной муки? Наверное, было просто стыдно вернуться и посмотреть в те глаза, в которых она уже никогда не увидит прощения. Необратимость ее поступка и теперь читалась во взгляде Аркадия...

– Мне придется уехать, – сказал Матвей, когда будильник вырвал Машу из сна о своем доме и забросил в гостиницу. – Хотя бы на день. У меня вечером встреча, ты же помнишь?

Она не помнила, ведь вместе с Мишкиными позвонками сплющились и растворились из памяти все дела, помимо тех, что касались здоровья сына. Тем не менее она моментально кивнула.

– Конечно, поезжай. Тебе ведь не обязательно находиться здесь постоянно.

– Ты... – начал Матвей и запнулся. Нужно было подготовиться, чтобы спросить о том, о чем они даже не заговаривали. – Ты планируешь... Хочешь остаться здесь до его выписки?

Изумление сделало ее синие глаза холодными. Небо даже зимой выглядит теплее.

– А как же иначе? – тихо спросила она.

Сев на постели, Матвей растопыренными пальцами зачесал назад свалевшиеся волосы.

– Я так и думал, – он постарался, чтобы это не прозвучало укором. – Я вернусь завтра же и буду с тобой.

– Это совсем не обязательно, – повторила Маша.

– Ты не хочешь этого, что ли?! – теперь уже он сам был обижен.

Она улыбнулась и погладила его руку.

– Хочу, конечно. Только...

– Их бесит мое присутствие?

– Не бесит... Но Стас очень нервничает, когда встречает тебя в больнице.

– Аркадий еще больше. Все, я понял!

У Маши опять закровоточило внутри: «Что я делаю? У меня хватит сил уходить от Мишки, если Матвея не будет рядом? Я и не знала раньше, что самое мучительное – уходить. Весь этот год – один сплошной уход».

– Разве тебе не спокойней, если я верчусь где-то рядом?

– Спокойней? О чем ты? Ты – мой непокой.

– Ах, вот как? Ладно, я уеду. Легко!

«Страх потерять его, и страх стать обузой – который из них, в конце концов, победит? Дело не в семи годах разницы в возрасте... Он – свободный человек. По сути своей – свободный. Как он поведет себя, если почувствует холодок оков?»

Контрастный душ заставил вскипеть ее кровь, и Машу было уже не удержать. Она выскокила из ванной босиком и начала собираться так поспешно, что это ошеломило даже Матвея. Он ухватил ее на лету:

– Ты куда, безумная комета? Я могу пристроиться у тебя на хвосте?

– Уже половина девятого, – выпалила она и умоляюще улыбнулась. – Отпусти. Мы еще должны перекусить. И купить свежих фруктов.

– У него скоро понос начнется от твоих фруктов!

– Ну, что-нибудь.

Расстегнув сумку, Матвей извлек толстую книгу:

– Смотри! Тут всякие головоломки, кроссворды... Это ему на неделю как минимум.

– Ой, молодец! Это он любит. – Ее внезапно прошило: «А что, если уже не любит? То, что случилось... То, что я сделала с ними, могло все в них перевернуть. Разве я знаю наверняка – какой он теперь?»

Поспешно отогнав новый страх, Маша спросила как бы вскользь:

– Ты не заглянешь к нему?

– Лучше уж я сразу поеду, – хмуро отозвался Матвей. – Если я опять напорюсь на твоего Стаса, он уложит меня на соседнюю койку.

– Стас может злиться. Грубить может. Но вреда он не причинит.

Когда голос у Маши становился таким ровным, это значило, что внутри клокочет ярость. Ее серая пена оседала на щеках, они бледнели и втягивались. Матвей успел это усвоить. На телевидении, где Маша руководила всего три месяца, все подчинялись этому тону беспрекословно. Иначе следовало увольнение...

Он отступил:

– Да я просто треплюсь, не бери в голову! Я сам знаю, что Стас – отличный парень.

– Что значит – отличный? Человек не может быть отличным. Это значило бы, что он – плоский, картонный. А в каждом из нас столько эмоций и чувств как положительных, так и не очень... И в моих детях тоже, я не слепая. – помолчав, она улыбнулась: – Но хороших все же больше.

«Мне нравится, когда она поучает меня, или нет? – Матвей пытался думать об этом между болтовней за завтраком и потом в машине, подвозя Машу до больницы. – Она даже не пытается делать вид, будто этих семи лет между нами нет. Внутренне чувствует себя более зрелой и хочет, чтоб я об этом не забывал. Чтобы знал о ней все. Так и должно быть. Никакого лицемерия, игры, если это – настоящие чувства и отношения. Иллюзион – только работа...»

Остановившись у высокого крыльца, увешанного тонкой бахромой сосулук, Матвей попросил:

– Передай Мишке привет. Зачем тут столько ступенек? Здесь ведь и травмпункт тоже. Как сюда забраться со сломанной ногой?

– Строителей это заботило меньше всего, пандус есть, и то слава богу! – рассеянно отозвалась Маша и без видимой связи добавила: – Мишке потом полгода нельзя будет сидеть.

– Я знаю, – удивленно отозвался Матвей.

Ему стало нехорошо: может, по-настоящему она и не замечала, что он все эти дни был рядом? Ей не хотелось близости, это понятно, он и не настаивал, но разве его присутствие никак не ощущалось?

Она пробормотала, явно рассуждая вслух:

– Придется переводить его на домашнее обучение. – и вдруг резко повернулась к Матвею: – Я должна остаться здесь на эти полгода.

Он ужаснулся:

– Ты с ума сошла!

– Если считаешь нужным взять другого директора – дело твое.

– Да при чем тут это?! Нет, это, конечно, тоже, ты ведь не можешь руководить по телефону... А я-то как?

– Ты ведь здоров, – напомнила Маша, улыбнувшись одним ртом.

Эта улыбка его ужаснула. Так бросают огрызок бродячей собаке, чтобы поскорее отвязалась. Услышав свой дрожащий голос, Матвей ужаснулся еще больше:

– Для тебя это пустяк, что ли, расстаться на полгода? Пустячок такой, да? Может, я вообще ничего для тебя не значу? И все эти сплетники правы?

– Правы? В чем?

Он пробормотал, уже пожалев о том, что затеял этот разговор:

– В том, что тебя волнует только твоя собственная значимость...

Ничуть не изменившись в лице, Маша вдруг сказала:

– Знаешь, а Мишка говорит, что ты – ничего.

И Матвей сразу смутился от удовольствия, будто от этого ребенка еще что-то зависело. Словно не его желания они растоптали полгода назад...

– Правда? Когда он это сказал?

– Еще в новогоднюю ночь.

– И ты молчала?!

Маша пожала плечами:

– Забыла как-то... Вернее, я думала, что уже сказала тебе. Столько всего...

На самом деле она этого не забывала. Конечно, не думала об этих словах сына постоянно, и все же где-то у сердца, не утихая, тепло копошилось осознание того, что малыш смог ее понять. Не одобрил, но понял. Разве он мог одобрить? Так не бывает.

Матвей спросил напрямик:

– Ты решила держать меня на коротком поводке?

– Что-о? Глупости какие... Почему ты...

– Нет, это ты скажи: почему? – взметнувшаяся обида жаром прилила к щекам и заставила его стукнуть ладонью по рулю. – Почему ты мне сразу не передала Мишкины слова? Ты что, не понимаешь, как для меня это важно? А ты припрятала их, как леденец! Ждала, когда я совсем раскисну, чтобы сунуть как утешение? Что происходит? Я понимаю, ситуация с Мишкой – это катастрофа... Но почему она так отразилась на нас с тобой?

– Потому что это я виновата в том, что с ним сейчас происходит. – Маша смотрела на него огромными ледяными глазами, и голос ее становился все ниже. – Ты не обязан отвечать за происходящее в душе у моих детей. А я знала, что с ними будет... Что это в любом случае будет катастрофой. И упал он тоже из-за меня... Стас так и сказал.

Чувствуя свою неубедительность, Матвей все же проговорил:

– Это он от беспомощности. Надо же свалить всю вину на кого-то! Так легче.

– Но если б я не появилась так внезапно... Если б я вообще не уезжала...

Откинув голову на спинку сиденья, он сосредоточенно взгляделся в лобовое стекло. Робкая снежинка медленно опустилась на прозрачную, но чужеродную гладь. За ней другая...

– Я так и думал, – сказал Матвей. – Рано или поздно ты должна была пожалеть. Слишком большая жертва ради меня одного.

Она сердито прервала:

– Я вовсе не жалею. Не накручивай того, чего и в помине нет! Но я чувствую себя кругом виноватой. Думаешь, легко с этим жить?

– Ты несчастлива? – он опустил глаза, чтобы не выдать своего отчаяния, когда прозвучит уже известный ему ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.